„КЛАДЪ“

Журналъ
политики, общественной жизни, народнаго хозяйства,
науки, литературы
и свѣдѣній изъ практической жизни.

Выходитъ два раза въ мѣсяцъ (24 книги въ годъ).

Книга 18-я—1907 г.

Изданіе А. А. Каспари.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
Издательство А. А. Каспари, Лиговская ул., соб. д., 114

Графическое заведенiе «Родина» (А. А. Каспари),
Спб., Лиговская ул., соб. д., № 114.

Первыя ласточки.

(Иллюстрація момента.)

Часъ пробилъ—выборы въ третью государственную думу начались...

Изъ разныхъ уголковъ Россіи, правда, пока еще не въ массѣ, а въ качествѣ „первыхъ ласточекъ", стали приходить извѣстія объ избирательныхъ съѣздахъ для выборовъ уполномоченныхъ.

Первыя ласточки, конечно, весны не дѣлаютъ, но, тѣмъ не менѣе, онѣ возвѣщаютъ ея приходъ. Снѣгъ еще лежитъ всюду, дни коротки, вечера темны, ночи непроглядно мрачны, иногда потрескиваютъ сильные морозы, а появилась ласточка — и вдругъ всѣ замѣчаютъ, что и тепломъ потянуло, и ручейки зажурчали, и милые подснѣжники выставили изъ-подъ зимняго савана свои головки. И сразу тогда всѣ видятъ, что весна идетъ, весна уже совсѣмъ близка...

Положимъ, ласточка—еще и не первая весенняя птичка; кое-кто изъ пернатыхъ прилетаетъ на нашъ угрюмый сѣверъ и ранѣе ея, но этихъ гостей не замѣчаютъ; примѣчаютъ только ласточекъ и по нимъ уже судятъ о близости весны.

Быть можетъ, и на этотъ разъ въ великомъ дѣлѣ обновленія всей русской жизни появились добрые вѣстники шествующаго свѣта, тепла, процвѣтанія всего добраго, хорошаго. Быть можетъ, и въ самомъ дѣлѣ шествуетъ желанная русская весна?

Судя по результатамъ первыхъ выборовъ, какъ-будто кое-что виднѣется въ полной всякаго тумана и смрада русской дали. Первые избирательные съѣзды дали до 70% людей умѣренныхъ, уравновѣшенныхъ, способныхъ къ обсужденію великихъ дѣлъ, а такъ называемыхъ „лѣвыхъ" попало въ число первыхъ уполномоченныхъ всего только десять процентовъ. Если-бы такъ пошло и далѣе, то съ увѣренностью можно сказать, что дума у Россіи будетъ, и будетъ именно такая, какая нужна ей. Была „дума народнаго гнѣва" — какъ въ свое время величали первую государственную думу, была „дума мести и печали", иначе „прожженая", „сѣрая", „толоконная", „провалившаяся дума" — прозвища второй государствен-

ной думы. Обѣ эти думы были первымъ и вторымъ блинами только что народившейся новой русской государственности. По пословицѣ: „Первый блинъ коломъ, второй—соколомъ, третій—ласточкой“ (видите—и тутъ „ласточка“!). Пословица въ данномъ случаѣ нѣсколько не оправдалась для Россіи: стали „коломъ“ и первая, и вторая дума, но, быть можетъ, именно третьей суждено стать желанной ласточкой обновленія русской жизни. Третья дума должна быть спокойной, работоспособной думой. Она должна работать безъ гнѣва, безъ помысловъ о мести, безъ малѣйшаго раздраженія. Она должна помнить, что дѣлаетъ великое дѣло, и никогда не должна забывать это. Третья государственная дума никоимъ образомъ не должна быть ни „однобокой“, какъ первая, ни „разношерстной“, какъ вторая. Въ ней должны быть представлены помыслы, желанія, стремленія всей Россіи, въ ней не должны быть болтающіе языками безъ разумѣнія пустозвоны, не должны быть жалкіе молчальники да всевозможные черные и красные прихвостни, умѣющіе только кричать, какъ кричатъ попугаи, не разумѣя того, что за смыслъ въ ихъ звукахъ. Не должны будущіе думцы лазать по фонарямъ, чтобы произнесть мнимо-зажигательную рѣчь „къ народу“, не должны ходить по сборищамъ уличной молодежи ради того, чтобы подстрекнуть ее на какое-нибудь безобразіе; не должны они участвовать во всякихъ подпольныхъ организаціяхъ: они должны помнить, что они выше всего, что высокое, вмѣстѣ съ тѣмъ, честно и только низкое подло и безчестно.

А что, если первыя вѣсти о начавшихся выборахъ въ думу—не первыя ласточки, а черные вороны, злые коршуны? Что, если опять и на этотъ разъ русскій народъ будетъ обманутъ?

Вѣдь, примѣръ уже былъ... Выборы во вторую думу начинались при точно такихъ-же предзнаменованіяхъ. Точно такъ-же сперва въ числѣ уполномоченныхъ и выборщиковъ оказался весьма значительный процентъ даже болѣе чѣмъ умѣренныхъ, прямо-таки правыхъ, а послѣ вся эта умѣренность оказалась сплошною фальсификаціей. Лѣвые во второй думѣ взяли засилье и надъ правыми, и надъ центромъ, поработили ихъ и повлекли все новорожденное дѣло новой русской государственности и общественности совсѣмъ не въ ту сторону, въ которую оно должно было идти. Они повлекли Россію въ бездонную пропасть и только всемогущій случай остановилъ нашу несчастную родину, когда она уже была на самомъ ея краю. Что, если такъ будетъ и теперь?

„Не дай этого Богъ!“—скажутъ всѣ тѣ, кто любитъ Рос-

сію, любитъ свой народъ. Россія не должна погибнуть; она должна расти, такъ какъ русскій народъ—совсѣмъ еще молодой народъ, таящій въ себѣ великія духовныя силы. Эти его силы только что пробуждаются, надо дать имъ окрѣпнуть, подняться, вырасти—и тогда чудное зрѣлище представитъ собою наша родина. Ея ростъ быстръ, процвѣтаніе недалеко; только-бы возвратилось благоразуміе къ русскимъ людямъ, только-бы примѣтили они злыхъ нахвальщиковъ, толкающихъ ихъ къ самоуничтоженію; только-бы первыя добрыя, милыя ласточки не оказались злыми коршунами!..

Весна-красавица.

Весна-красавица близка!
Пусть воютъ злобныя метели,
Ея гонцы къ намъ прилетѣли,
Уже вскрывается рѣка.
Она идетъ, она идетъ,
Полна желаннаго расцвѣта,
Кругомъ стремятся волны свѣта
И день желанный настаетъ...

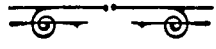
Весна-красавица идетъ,
Кругомъ осенній дождь и слякоть—
Весь міръ готовъ уже заплакать,
Но онъ не плачетъ—ждетъ онъ, ждетъ!
Пусть осень сѣрая томитъ,
Зимы вѣщая наступленье,—
Исчезнетъ робкое томленье:
Весна летитъ, весна летитъ!

Весна-красавица въ чертогъ
Спѣшитъ, разрушенный навѣки,
Въ чертогъ, гдѣ слезъ пролились рѣки,
Гдѣ смерть вступала на порогъ.
И первой ласточки, гонца
Весны, несущей обновленье,
Намъ возвѣщаетъ появленье
Всѣхъ бѣдъ желаннаго конца.

Весна-красавица близка
И слышенъ въ шумѣ ледохода
Вздохъ обновленнаго народа,
И прочь бѣжитъ отъ насъ тоска.
Мы просыпаемся отъ сна
Въ осенній дождикъ и ненастье,
Мы чуемъ близкое къ намъ счастье:
Идетъ красавица-весна.

Сіяетъ солнце въ небесахъ,
Витаютъ радостныя грезы
И сохнутъ горестныя слезы.
Исчезъ томившій душу страхъ.
Какой-то голосъ въ даль зоветъ—
Та даль прозрачна и лазурна,
Та даль покойна и безбурна...
Весна идетъ, весна идетъ!

Осипъ Кудинъ.



Жизнь и дѣятельность партій.

Выборы начались! Казалось-бы, естественнымъ продолженіемъ этой фразы должно было быть, какъ и бывало прежде: «партійная агитація въ разгарѣ». Да, такъ было раньше, при выборахъ въ первую и вторую думы. Не то теперь. Послѣ роспуска второй думы всѣ лѣвыя партіи, какъ-бы сваливъ съ плечъ трудную работу, сначала «почили отъ дѣлъ», затѣмъ начали лѣниво толковать и долго толковали, какъ быть съ предстоящими выборами. Почти предъ самыми выборами онѣ, за исключеніемъ соціалъ-революціонеровъ, рѣшили, что слѣдуетъ работать, и выпустили соотвѣтствующія, принятыя на съѣздахъ и пленарныхъ засѣданіяхъ, резолюціи. Тогда казалось, что дѣятельность заснувшихъ партій нѣсколько оживилась, но оказалось, что это было только поднятіе головы спросонокъ. Выборы начались, а о работѣ лѣвыхъ партій ничего не слышно. Корреспонденты и обозрѣватели указываютъ, какъ на причину, на «ежовыя рукавицы» мѣстныхъ властей, не допускающихъ никакой агитаціи. Въ «Рѣчи» г. А. С. пишетъ:

«Рѣшительно отовсюду сообщаютъ, что до сихъ поръ не могло быть рѣчи ни о какой предвыборной агитаціи. Даже въ такой губерніи, какъ Курская, гдѣ губернская администрація сравнительно мягка, агитировать, какъ сообщаютъ мѣстные люди, приходится «съ опаской». Впрочемъ, въ одной губерніи мѣстные соціалъ-революціонеры собрались объѣзжать деревни, да и то съ цѣлью пропаганды бойкота выборовъ. Только въ области Войска Донского мѣстнымъ членамъ ка-детской партіи удалось завязать довольно оживленныя сношенія съ уѣздными городами посредствомъ объѣзда ихъ. Единственнымъ средствомъ воздѣйствія на избирателя остались до сихъ поръ письменное сношеніе, разсылка партійной литературы. Но и то изъ Воронежа сообщаютъ, что почта относится чрезвычайно подозрительно и внимательно ко всѣмъ письмамъ и посылкамъ, исходящимъ отъ лицъ ка-детской партіи. А въ Рязани посланныя заказныя посылки съ литературой возвратились обратно черезъ 5—6 мѣсяцевъ, съ отмѣткой, что не вѣрны адреса, хотя адреса были вполнѣ точны. Раньше агитаціоннымъ средствомъ служили лекціи съ пріѣзжими изъ столицы лекторами. Теперь нѣтъ и этого: какъ общее правило, нигдѣ въ провинціи лекціи не разрѣшаются администраціей. Въ одномъ губернскомъ городѣ попробовали было устроить лекцію по географіи, но и той губернаторъ не допустилъ».

Ссылка на «ежовыя рукавицы» казалась-бы основательной, но позвольте: раньше-то развѣ не то-же самое было? Развѣ не о томъ-же самомъ трубили газеты лѣваго лагеря во время первыхъ и вторыхъ выборовъ? Однако, какъ тогда работали партіи! Тогда, вѣдь, кипѣла работа, а теперь о ней

совсѣмъ не слышно. Запрещеніе-ли агитаціи тутъ причиной? Конечно, нѣтъ.

Тактика во второй государственной думѣ, заявленіе въ принятыхъ на засѣданіяхъ и съѣздахъ резолюціяхъ, что и въ третью думу лѣвые идутъ не для настоящей работы, а для подготовки массъ къ какимъ-то выступленіямъ, сдѣлали свое дѣло. Широкія массы ни о какихъ выступленіяхъ не мечтаютъ и ничему больше учиться у лѣвыхъ не желаютъ, потому что у самихъ-же лѣвыхъ научились уже, чего лѣвые стоятъ.

Вотъ гдѣ причина затишья въ работѣ лѣвыхъ организацій. Отсутствіе сочувствія въ широкихъ слояхъ населенія. Какъ будешь работать тамъ, гдѣ твоей работы не признаютъ, и не признаютъ потому, что самъ-же ты раньше сдѣланнымъ заставилъ отвернуться отъ твоей работы?

* * *

Не видно и не слышно работы лѣвыхъ организацій, но вотъ почему-же не слышно также и работы той организаціи, которая такъ высоко подняла голову сразу вслѣдъ за роспускомъ второй думы и говорила открыто, что теперь на ея улицѣ праздникъ? Отчего такъ плохо работаютъ октябристы? Неужели потому, что они такъ надѣются на свой успѣхъ, что и работу считаютъ лишней? Нѣтъ, думается недаромъ, вѣдь, А. С. Суворинъ, прежній приверженецъ союза 17-го октября, назвалъ эту организацію скучной партіей. На самомъ дѣлѣ, скучная и безталанная. Скука и безталанность сказались и въ выпущенномъ въ Петербургѣ отъ городского совѣта союза 17-го октября воззваніи къ избирателямъ. Вмѣсто всякихъ доводовъ въ воззваніи повторяется всѣмъ извѣстная руготня партіи ка-детовъ и проч.:

«Избиратели! Господство ка-детовъ, трудовиковъ и разныхъ инородческихъ группъ въ первой и второй государственной думѣ только усилило смуту въ странѣ и остановило на два года всю законодательную дѣятельность, столь необходимую Россіи для удовлетворенія самыхъ неотложныхъ нуждъ народа. Если столь-же неудачный составъ окажется и въ третьей думѣ, то это можетъ вызвать самыя нежелательныя осложненія. Реакція и теперь уже подняла голову; при неудачѣ третьей думы народному представительству грозитъ серьезная опасность».

Кто-же избавители отъ опасности? Конечно, они, октябристы,— говорится далѣе въ воззваніи. Но почему? Можетъ-ли повѣрить избиратель на слово тѣмъ, кто, несмотря на всѣ благопріятныя условія, до сихъ поръ ничѣмъ, кромѣ расшаркиванія предъ начальствомъ, себя не заявилъ?

* * *

Гораздо симпатичнѣе резолюція, принятая на происходившемъ въ Москвѣ предъ самыми выборами пленарномъ засѣданіи центральнаго комитета партіи мирнаго обновленія. Обсудивъ задачи партіи по отношенію къ предстоящимъ выборамъ, засѣданіе приняло слѣдующую резолюцію:

«Усилившаяся реакція, какъ общественная, такъ и правительственная, создаетъ грозную опасность для конституціоннаго строя, тѣмъ болѣе, что нарушеніе конституціонныхъ на-

чалъ, благодаря наступившей общественной апатіи, не встрѣчаетъ достаточно сильнаго противодѣйствія. Избирательный законъ 3-го іюня, даже независимо отъ способа его изданія, усиливаетъ эту опасность, обостряя классовый и національный антагонизмъ, чѣмъ создается новое препятствіе для мирнаго обновленія родины.

«Тѣмъ самымъ опредѣляются основныя задачи партіи мирнаго обновленія въ настоящій историческій моментъ.

«Онѣ заключаются въ охраненіи конституціоннаго строя и въ дѣйствительномъ проведеніи мирнымъ путемъ и законными способами началъ, возвѣщенныхъ манифестомъ 17-го октября.

«Задачи эти составляютъ основную обязанность не только партіи мирнаго обновленія, но также и сосѣднихъ съ нею конституціонныхъ партій, а именно—народной свободы и союза 17-го октября.

«Признавая, что образъ дѣйствій обѣихъ названныхъ партій въ думѣ второго созыва изгладилъ значительную часть тактическихъ разногласій между ними и партіей мирнаго обновленія, разногласія-же программныя въ настоящій историческій моментъ не могутъ имѣть первенствующаго значенія, центральный комитетъ признаетъ нецѣлесообразнымъ въ теченіе предстоящей избирательной кампаніи рѣзко боевыя выступленія, могущія обострить взаимныя отношенія партій центра.

«Ввиду-же обнаружившейся неосуществимости общаго предвыборнаго соглашенія между центральными органами названныхъ партій, центральный комитетъ въ случаяхъ невозможности объединить избирателей на кандидатурѣ партіи мирнаго обновленія, признаетъ задачей партіи содѣйствіе всѣми зависящими способами мѣстнымъ соглашеніямъ для избранія общими силами въ думу третьяго созыва искреннихъ конституціоналистовъ, независимо отъ ихъ принадлежности къ партіямъ, при условіи строгаго отмежеванія отъ партій и иныхъ организацій, допускающихъ революціонный образъ дѣйствій и антиконституціонныхъ, какъ правыхъ, такъ и лѣвыхъ».

Центральный комитетъ совершенно справедливо полагаетъ, что только этимъ способомъ партія мирнаго обновленія можетъ содѣйствовать образованію въ думѣ сильнаго и работоспособнаго центра.

На происходившихъ въ засѣданіи выборахъ предсѣдателемъ центральнаго комитета партіи избранъ Д. Н. Шиповъ, а замѣстителемъ его, ввиду отказа Н. Д. Байдака, — И. Н Ефремовъ.

* * *

При какомъ соотношеніи партійныхъ силъ вступили партіи въ начавшіеся выборы? На это совершенно справедливо отвѣчаетъ тотъ-же г. А. С. въ «Рѣчи»:

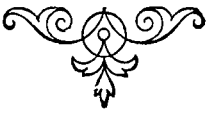
«Союзъ русскаго народа, такъ шумно бушующій въ послѣднее время по городамъ, говорятъ, не пользуется рѣшительно нигдѣ никакимъ вліяніемъ. Шансы его стали теперь даже хуже, чѣмъ были въ прошлые выборы. Съ одной стороны, ряды его избирателей въ городахъ нѣсколько разрушены новымъ избирательнымъ закономъ, вычеркнувшимъ изъ списковъ городскихъ избирателей крестьянъ-торговцевъ. Съ другой стороны

—пошли раздоры внутри самаго «союза». Въ Перми союзъ русскаго народа задумалъ было организовать «всесословный союзъ мирнаго обновленія», но кончилось это тѣмъ, что въ «союзѣ» произошелъ расколъ: истинно-русскіе люди выдѣлили лѣвое теченіе, и все значеніе союзниковъ на предстоящихъ выборахъ сводится къ нулю. Въ Черниговской губ. въ рядѣ уѣздныхъ городовъ наблюдается массовое отпаденіе мѣщанства отъ союза русскаго народа. Добрыя отношенія между «союзниками» и октябристами, наблюдавшіяся повсюду въ прошломъ году, подверглись значительной ломкѣ въ нынѣшнемъ. Въ Харьковской губ. эти двѣ партіи, что называется, на ножахъ. Въ Казани октябристы окончательно порвали всякія связи съ крайними правыми. То-же самое во Владимірской губ. и др. мѣстахъ. Крайніе правые сильны только въ нѣсколькихъ губерніяхъ: въ Курской, гдѣ они имѣютъ въ своихъ рядахъ всѣхъ помѣщиковъ; въ Саратовской, гдѣ у «союзниковъ» есть крупныя имена, какъ графъ Уваровъ, и др».

О лѣвыхъ было сказано уже выше. Остаются октябристы и ка-деты.

«Октябристы,—говоритъ г. А. С.,—какъ и въ прошлый разъ, остаются на практикѣ значительно слабѣе, чѣмъ они есть въ теоріи. У нихъ нѣтъ ни настоящей организаціи въ провинціи, ни дѣятельныхъ, способныхъ людей. Возьмите наиболѣе организованную группу—въ Казани. Тамъ октябристы укрѣпились уже давно, имѣютъ прекрасныя связи съ уѣздными городами; но что представляетъ казанская октябристская группа въ своей внутренней жизни? Достаточно указать на такія двѣ діаметрально противоположныя по своимъ убѣжденіямъ величины, какъ проф. Капустинъ и Варнекъ, чтобы понять, что духа единенія и внутренней партійности у октябристовъ нѣтъ. Въ цѣломъ рядѣ губерній октябристовъ совсѣмъ нѣтъ или почти нѣтъ—Пермской, Черниговской и др. Единственымъ счастливымъ исключеніемъ для октябристовъ является Воронежская губ., гдѣ они сильны и земскими общественными дѣятелями, и талантливыми работниками. Все крупное купечество и всѣ помѣщики захвачены октябристской организаціей.

«Единственной сильной и сплоченной партіей въ провинціи остается все-таки партія народной свободы. Ей придется вынести на своихъ плечахъ всю тяжесть выборной борьбы, и путемъ соглашеній тамъ, гдѣ не хватитъ у нея собственныхъ силъ, провести передовыхъ и прогрессивныхъ людей, оградить предстоящіе выборы отъ вторженія въ нихъ реакціонеровъ и вообще темныхъ силъ».



Памятникъ крови.

Статья **Н. В. Владимірова.**

Въ яркій солнечный день 19-го августа текущаго года послѣдовало освященіе храма Воскресенія Христова въ Петербургѣ, воздвигнутаго на томъ мѣстѣ, гдѣ двадцать шесть лѣтъ тому назадъ пролилась кровь Царя-Освободителя. Обстановка, при которой происходило освященіе, носила высокоторжественный, какъ принято выражаться въ газетахъ, характеръ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, замѣчу отъ себя, далеко не соотвѣтствовала тому глубокому значенію, которое долженъ занять среди памятниковъ прошлаго Россіи этотъ великолѣпный, художественный храмъ-памятникъ. Освященіе этого храма совпало съ такимъ же тяжелымъ положеніемъ нашей родины, какое она переживала двадцать шесть лѣтъ тому назадъ, когда на набережной Екатерининскаго канала слышался не мелодичный благовѣстъ новаго храма, а раздался рѣзкій, роковой для Россіи звукъ взрыва, убившаго царя, поборника народнаго блага, и тяжко ранившаго этотъ многострадальный народъ. Смерть Царя-Освободителя, Царя-Страдальца послѣдовала, спустя нѣсколько часовъ послѣ рокового взрыва. Народная рана болѣла, гноилась всѣ эти 26 лѣтъ, болитъ, гноится и по сегодня...

Высокоторжественный день освященія храма—грустный, печальный день въ жизни русской исторіи. Правда, съ внѣшней стороны торжество освященія вышло величественнымъ, красивымъ и, если можно такъ выразиться, параднымъ. Присутствовали члены Императорской Семьи, присутствовалъ Дворъ во всемъ своемъ великолѣпіи, присутствовали представители иностранныхъ державъ. Присутствовало даже столь рѣдкое для Петербурга солнце. Парадъ въ Высочайшемъ присутствіи, по словамъ придворныхъ хроникеровъ, вышелъ чрезвычайно красивымъ и эффектнымъ подъ лучами яркаго лѣтняго солнца. Словомъ, очевидно, картина была дѣйствительно красива, эффектна, красочна.

Лично я не присутствовалъ на торжествѣ, издали слышалъ благовѣстъ новаго храма и мнѣ въ этотъ день было невыразимо грустно... Этотъ день, безспорно,—день грусти Россіи и не потому, что въ этотъ день вспомнились старое горе, прошлая

утрата, а потому, что этотъ день—одинъ изъ сотни тѣхъ тяжелыхъ дней, которые переживаетъ наша родина.

Само торжество освященія, если въ него глубже вдуматься, прошло грустно. Освящался храмъ, воздвигнутый на средства благодарнаго народа Царю-Освободителю. Это „мѣсто крови“ создало потоки народныхъ слезъ. Смерть царя, освободившаго народъ, была горько, искренно оплакана народомъ. Память о Царѣ-Освободителѣ не умретъ въ народѣ, его имя всегда будетъ близко народу, всегда священно и дорого. Въ страшные дни цареубійства народъ оплакивалъ царя; когда первое, острое чувство утраты сгладилось, народъ нашелъ себѣ утѣшеніе въ сборѣ лепты на построеніе храма-памятника своему безвременно, страдальчески погибшему Царю-Освободителю, Царю-Заступнику. Говорятъ, что идея храма-памятника шла отъ народа. Говорятъ, что даже выборъ „престола“ храма—въ память Воскресенія Христова, былъ сдѣланъ народомъ, какъ символъ побѣжденной смерти. Вѣроятно, все, что касается исторіи возникновенія храма,—правда. Все это слишкомъ близко къ народнымъ взглядамъ, къ его вѣрѣ, къ его характеру.

Убійство Александра II—русское, народное горе. Памятникъ-храмъ „на крови“—русскій народный храмъ. И, вмѣстѣ съ тѣмъ, въ день освященія этого храма не было народнаго торжества. Долго жданное освященіе храма послѣдовало. На освященіи былъ Царь, но народнаго участія не было. Въ этомъ весь трагизмъ, вся грусть 19-го августа настоящаго года, заставляющій насъ сравнить этотъ день съ роковымъ днемъ 1-го марта 1881 года, когда чуждыя народу силы отняли у народа царя; 19-го августа, въ день, когда Царь молился на „мѣстѣ крови“ Своего державнаго Дѣда, столь любимаго народомъ, въ день, который долженъ былъ-бы явиться днемъ тѣснаго, любовнаго общенія царя и народа, этого общенія—по крайней мѣрѣ явнаго выраженія его—не было.

Печальный, грустный день въ жизни русской исторіи... Работа Царя-Освободителя, положившаго жизнь за благо народа, возобновилась. Послѣ долгихъ лѣтъ безправія освобожденный отъ крѣпостного рабства народъ получилъ права гражданства. Ему, этому народу, дано право обсуждать, рѣшать дѣла своей родины. Ему дано представительство. Царь и народъ должны-бы быть близки между собою, составлять одно неразрывное цѣлое. Но—увы!—этого нѣтъ въ русской жизни. Наблюдается какое-то роковое разъединеніе тѣла и головы государства. Какія-то темныя силы всѣми средствами тормозятъ возрожденіе Россіи. Путь къ этому возрожденію залитъ кровью. Въ 26

лѣтъ много этой крови пролито, много ея изо дня въ день проливается.

Какъ опредѣлить эти „силы“, въ чемъ онѣ выражены? Поддаются-ли онѣ вообще опредѣленію?.. Изъ чего слагаются эти „силы“? Изъ опредѣленной-ли группы „сочувствователей“ и „радѣтелей“ народа, мнящихъ создать свободное государство, свободное отъ произвола правовое государство путемъ нарушенія не только существующихъ въ Россіи закона и правъ, но даже преступнымъ путемъ разрушенія правъ и законовъ жизни? Фанатики-ли соціалисты темнятъ „великое дѣло обновленія родины“, твердо намѣченное Внукомъ Царя-Страдальца? Ихъ-ли утопіи мѣшаютъ народу понять всю искренность идущихъ отъ царскаго сердца словъ: „Мнѣ не дорога жизнь, жила-бы только Россія“? Я не берусь точно отвѣтить на эти вопросы, и именно потому, что не вѣрю въ значеніе этой „группы“ среди народа. Она, эта горсточка, вредна, но не ей осилить народъ. Ей нѣтъ мѣста, къ ней нѣтъ симпатіи среди народа.

Но если не „они“, такъ кто-же? Правительство? Тоже—нѣтъ, хотя среди слугъ Царя мало не то что людей искреннихъ, мало такихъ, которые понимаютъ Его идею, хотятъ полностью проявить Его волю. Они растеряны. Ихъ захватила рутина. Они могутъ быть честными работниками, но пока имъ не свойственно быть творцами... Винить ихъ нельзя, жизнь въ теченіе долгихъ лѣтъ отодвигала ихъ отъ народа. Народъ для нихъ являлся сухой, отвлеченной формулой, а не живой человѣческой массой. Они робки, когда приходится имѣть дѣло съ живой массой. Они еще не усвоили необходимыхъ условій общенія съ народомъ. Да имъ и мѣшаютъ въ этомъ общеніи...

Было-бы недобросовѣстно винить только одно правительство въ неурядицахъ современной жизни, какъ нелѣпо было-бы вѣрить въ мощь той безумно самонадѣянной, чуждой народу горсточки, которая видитъ спасеніе народа въ огнѣ революціи. Правительство слабо, еще не опытно въ дѣлѣ обновленія родины; оно хочетъ работать, работаетъ, но его силы еще не окрѣпли. Революціонеры мѣшаютъ народу, мѣшаютъ правительству, тормозятъ возрожденіе народнаго блага, тормозятъ, но и только. Повторяю, придавать значеніе жрецамъ революціи значитъ не знать и не понимать народа... Народъ при всѣхъ своихъ забитости, безправіи и безграмотности, разумнѣе, честнѣе и нравственнѣе тѣхъ, кто, суля ему свободу, во имя ея не брезгаетъ возмутительными насиліями...

Но если не тѣ, не другіе, то какія-же „силы“ мѣшаютъ обновленію нашей родины? Я укажу на нихъ; онѣ кроются въ

насъ, въ нашей средѣ, такъ называемаго интеллигентнаго общества. Мы инертны, мало искренни, недовѣрчивы, склонны къ иллюзіямъ, къ увлеченію громкими идейками, но мало способны къ честному, творческому труду. Осуждая правительство, критикуя его мѣропріятія, мы сами ничего не дѣлаемъ для народа. Мы злопамятны, для насъ правительство не симпатично за прошлыя ошибки, революціонеры намъ чужды, намъ претятъ кровь и братоубійства, но наша политическая совѣсть крайне гибка и растяжима. Мы не только не работаемъ, но не рѣшаемся иногда вслухъ осудить то, что и намъ кажется безобразнымъ. Инертность, безволіе, безлюдье и отсутствіе искренности въ нашемъ обществѣ—вотъ тѣ роковыя силы, которыя мѣшаютъ дѣлу Царя,отодвигаютъ Его отъ народа и преступно тормозятъ великое дѣло обновленія родины.

Мы—не преступники, но попустители преступленій. Вѣдь, не „общество“ пролило кровь 1-го марта 1881 г., оно отъ этой крови содрогнулось, но оно должно было предотвратить это историческое преступленіе.

Увы! это не было сдѣлано тогда, въ 1881 г., и роковой ударъ не образумилъ нашего „общества“. Оно, какъ и тогда, пассивно относится къ жизни, смотритъ на ея явленія лишь со стороны и тѣмъ даетъ полную свободу дѣйствій мнимымъ „радѣтелямъ“ народа, не сдерживая ихъ въ разумныхъ рамкахъ.

А результатъ этого налицо.

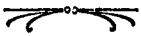
Кровь, пролитая 1-го марта 1881 года, повлекла за собою потоки русской крови. Храмъ-памятникъ, воздвигнутый на „мѣстѣ крови“, освященъ въ дни обезцѣненія народной крови, въ дни, которые тяжелы, кошмарны и которые являются логическимъ слѣдствіемъ почина въ дѣлѣ братоубійства, принятаго на себя горсточкой безумцевъ, свершившихъ убійство народнаго Освободителя во имя „свободы“. Горькая участь постигла это великое слово. Во имя „свободы“ пролито такъ много крови, загублено столько жизней, разорено столько семействъ, такъ обездолены народныя массы. Народъ вѣритъ въ „свободу“, терпѣливо ждетъ ея прихода, а ему „радѣтели“ рисуютъ ее такими красками, такими средствами яко-бы добиваются ея, что этотъ народъ все глубже и глубже уходитъ въ себя, все меньше и меньше надѣется на скорое удовлетвореніе своихъ насущнѣйшихъ нуждъ.

„Радѣтели“ заслонили отъ народа не только Царя, продолжающаго великое дѣло Своего Державнаго Дѣда, но и то, что Онъ далъ народу. Народъ слышалъ про „свободы“, слышалъ

про „новыя права“, но... столько другого видѣлъ и слышалъ въ послѣдніе годы, что съ трудомъ вѣритъ въ свѣтлое будущее. Услышитъ народъ и про торжество освященія храма-памятника своему освободителю, услышитъ, перекрестится, пожалуй, вздохнетъ, какъ и я, что на торжествѣ его не было. И наряду съ этимъ услышитъ онъ разговоры о новой думѣ, о новыхъ „избранникахъ“, услышитъ, вѣроятно, совѣты и увѣщанія и лѣвыхъ, и ка-детовъ, и правыхъ, и черносотенныхъ. Услышитъ все это, вздохнетъ, можетъ быть, опять перекрестится, положится на свое великое „авось“—„авось, молъ, что-нибудь въ думѣ и для меня сдѣлаютъ“...

„Авось“! Но неужели это „авось“ опять не оправдается, неужели у народа опять не найдется друзей, неужели опять народное представительство не удастся? Если такъ, то на русское общество ляжетъ тяжелая вина предъ народомъ, предъ которымъ оно такъ много виновато, которому оно не дало услышать первые звуки благовѣстнаго звона, раздавшіеся 19-го августа съ колокольни новаго храма—„памятника крови“, въ пролитіи которой виновато то-же общество...

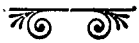
Мелодичные звуки колокола новаго храма, пока такъ-же грустны и унылы, какъ грустны и безнадежны отзвуки современной русской жизни. Будемъ надѣяться, что рано-ли, долго-ли, а настанетъ день воскресенія нашей родины и народъ, проходя мимо новаго храма Воскресенія Христова, пойметъ, что было дано ему Дѣдомъ, что Внукомъ дополнено...



Размышленіе у новаго храма.

Былъ страшный день. Россія содрогнулась,
Пролилась кровь любимаго царя,
И смерть ужасная того чела коснулась,
Кто жилъ весь вѣкъ, любовію горя...
Промчалась долгихъ лѣтъ безслѣдно вереница,
И гибла наша Русь подъ тягостью злыхъ мукъ,
Блеснула, наконецъ, желанная зарница:
Что началъ славный Дѣдъ, свершилъ Державный Внукъ.
Увы! лютуетъ зло, еще бушуетъ злоба,
Но близокъ, близокъ часъ, когда очнутся всѣ
И памятникъ тому, кто спитъ подъ крышкой гроба,
Воздвигнется въ сердцахъ во всей своей красѣ.

С. В. Тихомировъ.



Продолженіе земскаго съѣзда.

Надъ русской жизнью тяготѣетъ какой-то злой рокъ. Сколько въ ней даже въ самое послѣднее время было такого, что вначалѣ казалось даже грандіознымъ и изъ чего даже не въ концѣ, а тоже почти вначалѣ, получалось то-же, что получается изъ мыльнаго пузыря, когда онъ лопнетъ! Въ іюнѣ мѣсяцѣ текущаго года, вскорѣ послѣ роспуска второй думы, въ Москвѣ собрался съѣздъ земскихъ дѣятелей съ участниками, первымъ долгомъ тогда заявившими, что новый съѣздъ и собравшіеся на него не имѣютъ никакого касательства съ предшествовавшими земскими съѣздами, бывшими въ 1904—5 годахъ и посылавшими къ Царю депутацію, во главѣ съ княземъ С. Н. Трубецкимъ. Когда на томъ іюньскомъ съѣздѣ полились рѣчи такихъ «извѣстныхъ» дѣятелей, какъ гр. Дорреръ, Крупенскій и проч. т. п., онъ былъ названъ репетиціей третьей думы и всѣмъ представлялось, что изъ этого съѣзда выйдетъ что-либо дѣйствительно крупное. Это крупное, конечно, должно было быть совсѣмъ противоположнымъ всему, что окрашено въ «освободительный цвѣтъ»; но, вѣдь, крупное во всѣхъ цвѣтахъ крупно, а мимо того, что крупно, пройти, не замѣтивши его, нельзя. Итакъ, всѣ тогда думали, что изъ съѣзда земцевъ, заявившихъ въ самомъ началѣ, что они знать не хотятъ такихъ земцевъ, какъ покойный кн. С. Н. Трубецкой, и такихъ земскихъ съѣздовъ, какъ бывшіе въ 1904—5 гг., выйдетъ что-нибудь крупное. Впрочемъ, «эта надежда поколебалась тогда-же, въ іюнѣ, когда собравшіеся на съѣздъ дорреровскіе и пуришкевичскіе земцы, поговоривъ о вещахъ постороннихъ, не относящихся къ программѣ съѣзда, и ни до чего не договорившись, разъѣхались, отложивъ на нѣкоторое время окончаніе съѣзда.

Но тогда надежда только поколебалась, а еще не рушилась. Всѣ ждали еще обѣщаннаго окончанія. Теперь это обѣщанное земцы дали. Впрочемъ, они дали не обѣщанное, такъ какъ вмѣсто окончанія вышло опять продолженіе, но продолженіе особенное. Послѣ такого «продолженія», когда оно появляется на страницахъ журнала, читатель съ досадой бросаетъ прочитанные листы и говоритъ: «Для меня это—не продолженіе, а конецъ». Послѣ такого продолженія, какое представляли собою засѣданія возобновленнаго въ Москвѣ въ «Славянскомъ базарѣ» общеземскаго съѣзда, вполнѣ уже ясно видно, что изъ затѣи правыхъ земцевъ вмѣсто чего-либо крупнаго не только вышелъ мыльный, но и въ дѣйствительности такой пузырь, который лопнулъ, не успѣвъ потѣшить взоръ своими радужными переливами на солнцѣ. Увы! такова, знать, судьба большинства нашихъ начинаній.

Земскіе дѣятели возобновили засѣданія своего съѣзда въ Москвѣ въ томъ-же «патріотическомъ» помѣщеніи—боярскомъ

залѣ гостиницы «Славянскій базаръ», но совсѣмъ не въ томъ составѣ, какой былъ въ іюнѣ. Изъ 117 участниковъ перваго съѣзда теперь на съѣздъ явилось только 67. Двое изъ земцевъ прислали на имя предсѣдателя съѣзда письма. Въ одномъ письмѣ курскій земецъ г. Говорухо-Отрокъ протестовалъ противъ созыва съѣзда во время полевыхъ работъ, доказывая, что съѣздъ въ это время сыграетъ въ руку крупныхъ землевладѣльцевъ. Въ другомъ письмѣ были сказаны еще болѣе непріятныя вещи. Представитель пермскаго земства г. Мухлынинъ написалъ, что общеземскій іюньскій съѣздъ оказался собраніемъ людей, которые во имя личныхъ интересовъ рѣшили «не обсуждать и не выработывать новыхъ формъ земской жизни, а закрѣпощать старыя».

На обсужденіе съѣзда были предложены доклады члена государственнаго совѣта г. Ершова—о мелкой земской единицѣ и графа Уварова—о реформѣ земскаго положенія. Открывъ засѣданіе, предсѣдатель заявилъ, что первымъ будетъ слушаться докладъ г. Ершова. Это заявленіе вызвало недоумѣніе графа Доррера. Онъ спросилъ, зачѣмъ созданъ и долженъ быть заслушанъ новый докладъ, когда на прежнемъ съѣздѣ остался открытымъ вопросъ о правительственномъ проектѣ? Нужно выяснить отношеніе съѣзда къ правительственному проекту.

Предсѣдатель объяснилъ, что докладъ г. Ершова и представляетъ собою детальное разсмотрѣніе правительственнаго проекта и критическое къ нему отношеніе, прибавивъ, что трудъ г. Ершова есть и мнѣніе совѣта относительно правительственнаго законопроекта о мелкой земской единицѣ.

Докладъ былъ прочитанъ. Вотъ тезисы этого доклада, представляющіе мнѣніе цѣлой группы земцевъ и приведенные корреспондентомъ «Н. В.»:

На вопросъ, какова должна быть при учрежденіи мелкой всесловной самоуправляющейся единицы судьба существующихъ органовъ крестьянскаго самоуправленія, докладчикъ отъ имени совѣта съѣзда отвѣтилъ слѣдующее: «Рядомъ съ мелкой земской единицей не можетъ быть мѣста для сословной крестьянской волости. Что-же касается сословнаго крестьянскаго сельскаго общества, то, по мнѣнію однихъ членовъ совѣта (М. В. Родзянко, Н. Н. Львова и М. Д. Ершова), и оно также подлежитъ упраздненію. По мнѣнію-же другихъ (кн. Н. С. Волконскій, кн. Н. Ф. Касаткинъ-Ростовскій, С. Е. Бразоль, гр. П. С. Шереметевъ и П. А. Неклюдовъ), оно должно быть оставлено. Земельное-же общество, какъ владѣлецъ земли и хозяйственный распорядитель, должно во всякомъ случаѣ существовать, пока существуютъ общіе земельно-хозяйственные интересы.

Второй вопросъ: должна-ли мелкая земская единица быть исключительно органомъ земскаго самоуправленія или также одновременно органомъ государственнаго управленія и полиціи? Отвѣтъ: чисто полицейскія обязанности должны быть отдѣлены отъ обязанностей административно-хозяйственныхъ. Первыя должны быть возложены всецѣло на агентовъ правительственной власти, отъ нея одной зависящихъ; послѣднія могутъ быть предоставлены мелкой земской единицѣ. Вновь созидаемые органы общественнаго самоуправленія не должны быть въ порядкѣ управленія подчинены административнымъ учрежде-

ніямъ и лицамъ. Правительственная власть должна имѣть право надзора за закономѣрностью ихъ дѣйствій.

Третій вопросъ: въ какомъ взаимоотношеніи должны находиться проектируемые правительствомъ всесловный самоуправляющійся поселокъ и всесловная самоуправляющаяся волость? Отвѣтъ: мелкая земская единица (волостное земство) не должна дѣлиться на земскія единицы еще болѣе мелкія (поселковыя земства), но могутъ быть случаи, когда въ ея составъ войдетъ лишь одинъ поселокъ.

Четвертый вопросъ: какова должна быть территорія мелкой земской единицы? Территоріальныя границы мелкихъ земскихъ единицъ не могутъ быть однимъ общимъ для имперіи закономъ пріурочены къ тому или другому существующему дѣленію уѣзда, а должны опредѣляться отдѣльно въ каждомъ случаѣ, сообразно мѣстнымъ условіямъ. Составленіе предложеній о томъ или иномъ дѣленіи земскаго уѣзда на болѣе мелкія единицы должно быть предоставлено уѣзднымъ земствамъ. Окончательное-же утвержденіе такихъ предположеній должно совершаться общимъ законодательнымъ путемъ.

Пятый вопросъ: можно-ли признать удовлетворительнымъ предложенное правительствомъ устройство распорядительныхъ органовъ мелкой земской единицы? Предположенное правительственными законопроектами устройство поселковаго схода, поселковыхъ и волостныхъ собраній можетъ быть въ общемъ признано удовлетворительнымъ и не вызываетъ возраженій, а лишь слѣдующія частныя замѣчанія: 1) предположенное ст. 18 положенія о поселковыхъ управленіяхъ право владѣльцевъ торгово-промышленныхъ и ремесленныхъ заведеній участвовать въ поселковыхъ сходахъ и собраніяхъ должно быть признано за ними по отношенію къ мелкой земской единицѣ вообще при условіи увеличенія ценза осѣдлости до трехъ лѣтъ (кн. Касаткинъ-Ростовскій не согласенъ); 2) по отношенію къ участію въ мелкой земской единицѣ женщинамъ должны быть предоставлены тѣ-же права, что и мужчинамъ; 3) лица, участвующія, согласно п. 3 ст. 17 положенія о волостныхъ управленіяхъ, въ избирательныхъ собраніяхъ по довѣренностямъ, должны также имѣть право быть избираемыми въ гласные мелкой земской единицы, 4) требованіе, изложенное въ п. 2 ст. 19 положенія о волостныхъ управленіяхъ, по которому волостной гласный теряетъ право участія въ волостномъ собраніи въ случаѣ неприсутствія его въ собраніяхъ въ теченіе года, представляется излишнимъ; 5) предсѣдательство на собраніяхъ мелкой земской единицы слѣдовало-бы возложить на особо избираемаго этими собраніями предсѣдателя, а не на исполнительные ихъ органы, какъ то дѣлаютъ ст. 42 положенія о поселковыхъ управленіяхъ и ст. 23 положенія о волостномъ управленіи; 6) права, предоставляемыя ст. ст. 12 и 14 положенія о поселковомъ управленіи и ст. ст. 25 и 33 полож. о волостныхъ управленіяхъ уѣзднымъ совѣтамъ, а именно: опредѣленіе числа гласныхъ, распредѣленіе ихъ между различными разрядами выборщиковъ земскаго поселковаго схода по поселковымъ собраніямъ и т. п. правильнѣе было-бы предоставить уѣзднымъ земскимъ собраніямъ.

Вопросъ шестой: возможно-ли признать удовлетворительными предложенные правительствомъ исполнительные органы

мелкой земской единицы? Слѣдуетъ признать, что постановка исполнительныхъ органовъ мелкой земской единицы какъ поселковыхъ, такъ въ особенности волостныхъ, неудачна и должна быть перестроена на совершенно иныхъ основаніяхъ. Эти основанія въ общихъ чертахъ слѣдующія: 1) волостной старшина и его помощники должны быть освобождены отъ несенія полицейскихъ обязанностей; 2) слѣдуетъ устранить вмѣшательство органовъ администраціи, участковыхъ комиссаровъ и уѣздныхъ совѣтовъ во внутреннія распоряженія самоуправляющихся общинъ, какъ, напримѣръ, опредѣленіе жалованья старшинѣ (ст. 50 полож. о волостныхъ управленіяхъ), распредѣленіе обязанностей между нимъ и его помощниками (ст. 36), замѣна единоличнаго старшины коллегіальной волостной управой (ст. 37) и т. п. Рѣшеніе всѣхъ этихъ вопросовъ должно быть предоставлено собраніямъ мелкой земской единицы. Въ случаѣ-же, когда будетъ признано нужнымъ вмѣшательство и руководство высшей инстанціи, таковою должно служить уѣздное земское собраніе; 3) на исполнительныхъ органахъ мелкой земской единицы не должно лежать никакихъ обязанностей и къ нимъ не должно быть предъявляемо никакихъ требованій, которыя не вытекали-бы изъ постановленій земскихъ собраній или изъ прямого опредѣленія закона; 4) отвѣтственность за свои дѣйствія должностныя лица мелкой земской единицы должны нести только предъ своими собраніями и судомъ. Нѣкоторые члены совѣта (кн. Н. Ф. Касаткинъ-Ростовскій, Н. Н. Львовъ, А. И. Гучковъ, С. Е. Бразоль и гр. П. С. Шереметевъ) полагаютъ, что, сверхъ сего, они должны быть въ порядкѣ дисциплинарномъ подчинены коллегіальному административному присутствію.

Седьмой вопросъ: можно-ли признать удовлетворительнымъ предложенный правительственными законопроектами порядокъ самообложенія для удовлетворенія нуждъ мелкой земской единицы? Самостоятельная оцѣнка предметовъ обложенія не можетъ быть предоставлена мелкой земской единицѣ (Н. Н. Львовъ и кн. Н. С. Волконскій не согласны). Въ основу ея самообложенія слѣдуетъ положить оцѣнку уѣздныхъ земствъ. Налогъ на нужды мелкой земской единицы надо установить не въ видѣ добавочнаго процента къ земскому сбору, уѣздному и губернскому, а въ видѣ процента оцѣночной стоимости облагаемыхъ имуществъ. При этомъ было-бы цѣлесообразно предоставить уѣзднымъ земскимъ собраніямъ право: 1) устанавливать извѣстную предѣльность обложенія мелкой земской единицы (кн. Волконскій не согласенъ); 2) исключать изъ обложенія мелкой земской единицы особенно крупныя имущества, какъ, напримѣръ, заводы, фабрики и очень крупныя имѣнія, облагая ихъ особымъ сборомъ въ пользу уѣзднаго или даже губернскаго земства, съ отчисленіемъ извѣстной его части въ распоряженіе мелкой земской единицы; 3) выдавать разрѣшенія на займы, безъ каковыхъ разрѣшеній мелкая земская единица не имѣла-бы права ихъ осуществлять. Предѣлы размѣра этихъ займовъ должны быть установлены самимъ закономъ, напримѣръ, не свыше оклада обложенія.

Выслушавъ докладъ, съѣздъ баллотировкой рѣшилъ обсуждать приведенные тезисы совѣтскаго доклада и въ первомъ вечернемъ засѣданіи было приступлено къ этому обсужденію,

Политическій Рабочій Ж. Д. Ж. Д.

которое вышло очень страстнымъ. Сначала препирались о томъ, какая нужна земская единица. Часть членовъ отстаивала надѣленіе мелкой земской единицы административно-полицейскими функціями; другая часть признавала необходимымъ придать дѣятельности мелкой земской единицы исключительно земскій характеръ.

Мнѣніе совѣта по этому вопросу выражено вполнѣ ясно: составители доклада отдѣлили чисто полицейскія обязанности отъ административно-хозяйственныхъ. Первыя должны возлагаться исключительно на агентовъ правительства, а послѣднія кое въ чемъ могутъ быть предоставлены мелкой земской единицѣ. Новые органы общественнаго самоуправленія не должны быть въ порядкѣ управленія подчинены административнымъ учрежденіямъ и лицамъ, и правительственная власть можетъ имѣть лишь право надзора за закономѣрностью ихъ дѣйствій. Это до извѣстной степени уже опредѣляетъ, какая должна быть мелкая земская единица по проекту самихъ членовъ совѣта. Съ этого и начались дебаты.

Первымъ попросилъ слова кн. Касаткинъ-Ростовскій (Курскъ) и сейчасъ-же показалъ себя, высказавъ очень «тонкіе намеки на толстыя обстоятельства». Онъ началъ съ сообщенія, что правительственный законопроектъ о мелкой земской единицѣ ничего новаго не представляетъ. Это—та-же польская гмина, которая была введена послѣ мятежа и служила для искорененія польскихъ землевладѣній, нашъ-же правительственный проектъ сдѣланъ явно во имя уступки еврейской прессѣ и такъ называемому освободительному движенію. Въ немъ чувствуется желаніе угодить второй гос. думѣ, а въ подписяхъ чиновниковъ, составлявшихъ проектъ, какъ-бы есть указаніе на то, что этотъ проектъ — польская месть за учрежденіе гмины. Высказавъ такой «тонкій намекъ», князь закончилъ указаніемъ на то, что извѣстная фраза П. А. Столыпина: «не запугаете», не согласуется съ появленіемъ проекта закона о мелкой земской единицѣ. «Вѣдь, это—сдача безъ боя; такая мелкая земская единица явится лишь пособникомъ анархіи и безпорядковъ».

Противъ земской единицы высказалось и еще нѣсколько ораторовъ. Кн. А. А. Ширинскій-Шихматовъ (Тверь) выступилъ въ качествѣ безусловнаго противника скороспѣлаго введенія мелкой земской единицы. Выразивъ свое глубокое уваженіе предъ земствомъ, 40 лѣтъ съ честью несущимъ свои святыя обязанности, кн. Ширинскій утверждалъ, что введеніе мелкой земской единицы вредно и гибельно для земства, такъ какъ толпа нахлынетъ и пожретъ самоотверженныхъ земцевъ. Затѣмъ ораторъ, нѣсколько отвлекшись въ сторону, перешелъ къ славной роли русскаго дворянства, требовалъ уваженія всѣмъ умѣреннымъ и правымъ, какъ того-же самаго требуютъ для своихъ революціонныхъ героевъ крайніе лѣвые. При этомъ онъ находилъ гораздо важнѣе докладъ гр. Уварова о реформѣ земскаго положенія, чѣмъ раздутый вопросъ о мелкой земской единицѣ.

Кн. Ширинскому горячо возражалъ г. Клюжевъ (Самара) и энергично защищалъ введеніе мелкой земской единицы.

Гр. Уваровъ, возражая кн. Ширинскому, сказалъ маленькое

крылатое словцо: «Я не боюсь, что толпа насъ пожретъ: изъ опыта выпесъ, что мы слишкомъ жестки для этого».

Въ защиту земской единицы выступилъ и кн. Волконскій (Рязань). Ораторъ нарисовалъ картину сельской жизни въ ея нынѣшней «озорной» неприглядности и выразилъ пожеланіе, чтобы правительство обязательно шло впереди въ дѣлѣ введенія земской реформы и заставило сельское населеніе принять ее. Крестьянская реформа не вызвала ни бунта, ни безпорядковъ и прошло тихо, чего никакъ не ожидали многіе. Въ чемъ-же тутъ секретъ успѣха? Въ томъ, что реформа освобожденія крестьянъ шла непосредственно отъ правительства; оно смѣло шло впереди реформы. Такъ-же слѣдуетъ нашему правительству сдѣлать и съ реформой земства.

Уже въ вечернемъ засѣданіи 25-го августа было замѣтно, что страсти разгораются, а въ слѣдующемъ засѣданіи дѣло дошло и до открытаго скандала, учиненнаго авторомъ крылатаго слова «зубры»—курскимъ земцемъ г. Марковымъ. Въ своей рѣчи онъ началъ буквально издѣваться надъ крестьянами, вышучивая и высмѣивая планъ создать изъ нихъ руководителей и вершителей земскаго дѣла, при ихъ грубости, невѣжественности и дикости. Народъ разнузданъ, сельская власть не имѣетъ значенія и дезорганизована, въ общественномъ земскомъ дѣлѣ играетъ главную роль вино, заливающее многострадальную русскую землю. Г. Марковъ затѣмъ разсказывалъ, что на пожарѣ въ одной деревнѣ крестьяне только тогда стали тушить огонь, когда богатый мужикъ выставилъ имъ три ведра водки.

Рязанскій земецъ кн. Волконскій не вытерпѣлъ краснорѣчія г. Маркова и пересказалъ эпизодъ изъ Библейской исторіи о Хамѣ, который вмѣсто того, чтобы встать и покрыть отца, насмѣялся надъ нимъ. Слѣдуетъ-ли такъ-же насмѣяться и надъ мужикомъ вмѣсто того, чтобы постараться сдѣлать его лучше? Ударъ былъ не въ бровь, а въ глазъ. Сравненіе не понравилось г. Маркову и кн. Волконскому потомъ пришлось предъ нимъ извиняться за сравненіе.

Г. Семиградовъ (Бессарабск. губ.) пошелъ еще дальше г. Маркова и сообщилъ рядъ скверныхъ продѣлокъ земскихъ врачей, старшинъ и проч. Ему возражалъ г. Неклюдовъ (Харьков. губ.). Видимо, ораторъ былъ возмущенъ огульнымъ осужденіемъ земскихъ дѣятелей и взволнованно приглашалъ всѣхъ съѣхавшихся въ Москву представителей заявить отъ лица своихъ земствъ, какъ это дѣлаетъ онъ, Неклюдовъ, отъ харьковскаго, что такихъ гнусныхъ людей, какими изобразилъ земскихъ дѣятелей г. Семиградовъ въ Бессарабіи, у нихъ нѣтъ.

Въ засѣданіи 26-го августа предсѣдатель сдѣлалъ прежде всего рѣшительное предложеніе высказаться, принимаетъ-ли съѣздъ правительственный проектъ, или отвергаетъ его? По словамъ «Н. Вр.», посыпались и одобренія, и возраженія. Первымъ протестовалъ членъ совѣта г. Ершовъ (Тула): «Какъ можно отвергать то, что нами оставлено безъ разсмотрѣнія? Что будетъ стоить такая баллотировка?». Г. Лизогубъ (Полтава) задалъ вопросъ, говоря, что если правительственный законопроектъ будетъ земцами теперь отвергнутъ, тогда чѣмъ совѣтъ его замѣнитъ? Вѣдь, если у совѣта не найдется новой программы, съѣздъ останется на мели.

— Вашъ вопросъ совѣтомъ предусмотрѣнъ,—отвѣтилъ г. Родзянко.—Вчера мы выработали рядъ новыхъ тезисовъ. Если собранію угодно, я готовъ прочитать ихъ.

— Непремѣнно прочитайте,—послышались голоса,—просимъ.

Новые тезисы были прочитаны и, видимо, понравились. Было рѣшено баллотировать вопросъ о правительственномъ законопроектѣ. Результаты баллотировки были печальны для правительственнаго законопроекта. Онъ былъ отвергнутъ.

Неожиданный оборотъ дѣла съ законопроектомъ и поправками къ нему взбудоражилъ земцевъ. Правые радовались, съ одной стороны, провалу проекта, съ другой — чуяли опасность и въ нѣкоторыхъ тезисахъ новаго скоропалительнаго изготовленія. Г. Марковъ, гр. Дорреръ, кн. Касаткинъ-Ростовскій и другіе всюду чуяли ослабленіе правительственнаго контроля и стремились исправить и дополнить кое-какіе тезисы.

Вотъ эти тезисы новой программы введенія мелкой земской единицы:

1) Должна-ли мелкая земская единица быть органомъ всесословнымъ? Баллотировали (за исключеніемъ шести уклонившихся) и приняли этотъ тезисъ единогласно.

2) Должна-ли мелкая земская единица быть организаціей самоуправляющейся? Г. Марковъ увидалъ въ самоуправленіи мелкой земской единицы опасную автономію, а такъ какъ, по мнѣнію этого земца, русское крестьянство (по крайней мѣрѣ, онъ ручался за свою Курскую губернію) состоитъ чуть не сплошь изъ «разнузданныхъ хулигановъ», то неукоснительно и протестовалъ противъ дарованія имъ автономіи. Г. Меллеръ-Закомельскій выразилъ недоумѣніе по поводу боязни автономіи мелкой земской единицы. Вѣдь, она самоуправляющаяся, такъ это и по закону правильно. Кн. Касаткинъ предложилъ добавить ко второму пункту фразу: «Въ предѣлахъ, указанныхъ ей закономъ». Съ этой поправкой пунктъ принятъ.

3) Должна-ли мелкая земская единица быть организаціей самообладающейся? Тезисъ былъ принятъ въ смыслѣ самообложенія (большинствомъ 41 голоса противъ 16).

4) Должны-ли быть возложены на мелкую земскую единицу, кромѣ хозяйственныхъ функцій, еще и нѣкоторыя административныя?

По этому вопросу разговоры, какъ передалъ корреспондентъ «Н. В.», были безконечны. Одни земцы стояли горой за порученіе мелкой земской единицѣ исключительно однѣхъ хозяйственныхъ функцій; другіе убѣждали, что ничего опаснаго въ нѣкоторыхъ административныхъ функціяхъ нѣтъ, что нѣкоторые земцы ошибочно смѣшиваютъ административныя задачи съ полицейскими. Гр. Уваровъ сдѣлалъ итогъ этимъ преніямъ, сказавъ: «Не понимаю, почему раздается столько голосовъ за раздѣленіе функцій административныхъ и хозяйственныхъ при введеніи мелкой земской единицы. Укажите мнѣ, какое и гдѣ есть въ земствѣ учрежденіе, которое не соединило-бы названныхъ функцій. Вношу добавленіе къ четвертому пункту: «Нѣкоторыя административныя, точно опредѣленныя функціи».

Г. Ершовъ внесъ свое новое предложеніе. Онъ рекомендовалъ расчленить данный вопросъ на два пункта: 1) Можетъ-ли мелкая земская единица, а также ея исполнительный органъ,

будучи учрежденіемъ земскимъ, быть одновременно органомъ администраціи? 2) Можетъ-ли государство на основаніи особыхъ законодательныхъ актовъ возлагать на мелкую земскую единицу нѣкоторыя административныя задачи?

Это предложеніе было принято большинствомъ 42 голосовъ противъ 22. При этомъ первый пунктъ отвергли, а второй единогласно приняли, добавивъ еще одно положеніе, поданное г. Кушелевымъ: «Желательно, чтобы правительство въ случаѣ возложенія на мелкую земскую единицу административныхъ обязанностей принимало расходы по этимъ обязанностямъ на свой счетъ».

Въ засѣданіи 27-го августа продолжалось обсужденіе новыхъ тезисовъ. Были приняты пункты пятый, шестой и седьмой.

5) Этотъ пунктъ гласитъ, что на мелкую земскую единицу не должны быть возложены полицейскія обязанности.

6) Мелкая земская единица въ отношеніи надзора со стороны администраціи должна быть въ такомъ-же самомъ положеніи, какъ уѣздныя и губернскія земства.

7) Опредѣленіе размѣровъ территоріи мелкой земской единицы должно быть предоставлено подлежащимъ земскимъ учрежденіямъ. Представленіе земскихъ учрежденій по этому поводу утверждается законодательнымъ порядкомъ.

8) Должны-ли быть построены распорядительные органы мелкой земской единицы на началѣ выборнаго представительства?

Этотъ пунктъ вызвалъ большіе дебаты, такъ какъ вопросъ коснулся принципа: одобряетъ-ли съѣздъ выборное начало? Гр. Уваровъ многократно доказывалъ, что только и допустимо въ данномъ случаѣ выборное начало; за нимъ слѣдомъ цѣлые десятки ораторовъ подолгу разсуждали на эту тему, причемъ многіе вносили поправки и дѣлали пространныя дополненія какъ устно, такъ и письменно.

Г. Родзянко рѣшилъ поставить на баллотировку прежде всего принципъ выборнаго начала: одобряется-ли онъ, или нѣтъ? Земцы одобрили и приняли его.

Обсужденіе дальнѣйшихъ тезисовъ структуры мелкой земской единицы, выработанныхъ совѣтомъ съѣзда, прерывалось внезапными выступленіями наиболѣе безпокойныхъ и непримиримыхъ «правыхъ». Такъ, одинъ изъ представителей курскаго земства, г. Шечковъ, по слов. «Руси», попросилъ слова по личному вопросу. Оказалось, что въ одной изъ московскихъ газетъ появилось какое-то невѣрное сообщеніе объ отношеніи предсѣдателя съѣзда къ г. Шечкову. Въ страстной рѣчи послѣдній требовалъ огражденія достоинства съѣзда отъ нападокъ печати и того, чтобы представители печати сообщали правду и только правду, лицо-же, солгавшее про съѣздъ въ печати, немедленно должно быть лишено права дальнѣйшаго присутствія. Г. Родзянко заявилъ, что ничего не можетъ подѣлать съ корреспондентами.

Затѣмъ, едва приступили къ обсужденію вопроса объ отношеніяхъ мелкой земской единицы къ уѣздному земству, какъ курскіе земцы начали дѣлать выпады одинъ за другимъ. Началъ графъ Дорреръ, осуждая постоянную борьбу, существовавшую между уѣздными и губернскими земствами, которыя

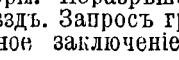
отличались своимъ революціоннымъ направленіемъ. Г. Марковъ иллюстрировалъ мысль гр. Доррера примѣромъ московскаго губернскаго земства и уѣзднаго. Постоянная, систематическая борьба велась только потому, что во главѣ московскаго уѣзднаго земства стоялъ ка-детъ Шиповъ, стремившійся къ политической дѣятельности, а во главѣ московскаго уѣзднаго земства находился октябристъ Рихтеръ. Присутствовавшій на съѣздѣ г. Рихтеръ всталъ и заявилъ, что все, что говоритъ г. Марковъ,—вздоръ: онъ, Рихтеръ, могъ расходиться съ Шиповымъ въ принципіальныхъ взглядахъ, но оба одинаково стремились служить земскому дѣлу.

Самый оживленный выпадъ былъ сдѣланъ графомъ Бобринскимъ. Онъ выступилъ съ заявленіемъ отъ имени 34 членовъ съѣзда. Это былъ обвинительный актъ противъ общеземской организаціи по оказанію помощи голодающимъ. Общеземская организація и ея исполнительный органъ—общеземская управа обвиняются графомъ Бобринскимъ и его союзниками, прежде всего, въ присвоеніи не принадлежащаго имъ званія. Въ заявленіи указывается, что никто изъ земствъ не посылалъ представителей въ общеземскую организацію, какъ въ законно существующее учрежденіе, что члены общеземской организаціи набирались путемъ кооптаціи, что прямо нарушаетъ земское положеніе, и т. д. На этомъ основаніи заявители, съ графомъ Бобринскимъ во главѣ, предложили земскому съѣзду немедленно заняться вопросомъ о дѣйствіяхъ организаціи, именующей себя «Общеземской организаціей».

Ввиду возникновенія споровъ по этому вопросу предсѣдатель нашелъ нужнымъ закрыть засѣданіе.

Такъ-же неожиданно закрылся на слѣдующій день и весь съѣздъ. Въ заключеніе только земцы успѣли все-таки разрушить то, что уже выработали. Признавъ необходимымъ введеніе мелкой земской единицы, притомъ въ формахъ, болѣе совершенныхъ, чѣмъ это проектировало правительство, общеземскій съѣздъ поспѣшилъ затѣмъ свести на-нѣтъ свое собственное рѣшеніе. По предложенію члена совѣта, графа Уварова, горячо отстаивавшаго введеніе мелкой земской единицы, оно было рѣшено на послѣднемъ засѣданіи въ томъ смыслѣ, что этотъ институтъ вводится лишь факультативно, т. е., по ходатайству тѣхъ или другихъ земскихъ учрежденій.

Напрасно нѣкоторые изъ членовъ съѣзда указывали, что такое рѣшеніе равносильно провалу всего дѣла. Баллотировка дала 35 голосовъ (противъ 10) за предложеніе графа Уварова. Даже предсѣдатель съѣзда не выдержалъ и по окончаніи баллотировки заявилъ, что не какъ предсѣдатель, а какъ членъ съѣзда, считая послѣднее рѣшеніе съѣзда не государственнымъ и не отвѣчающимъ работѣ съѣзда, онъ остается при особомъ мнѣніи, а затѣмъ заявилъ, что подано заявленіе о прекращеніи работъ съѣзда ввиду отъѣзда многихъ членовъ на начинавшіеся выборы. Неразрѣшенные вопросы перенесены на слѣдующій съѣздъ. Запросъ графа Бобринскаго переданъ на предварительное заключеніе губернскихъ земскихъ собраній.



Самодѣятельность населенія и безсословное земство.

Статья **В. А. Пинчука.**

I.

Въ статьяхъ, помѣщенныхъ въ журналѣ „Кладъ", мы, говоря о земствѣ, не разъ указывали на то, что въ немъ крайне ничтожную роль играетъ наше сельское населеніе или, какъ мы еще до сихъ поръ говоримъ, крестьянское сословіе, а, между тѣмъ, земскія учрежденія законодателемъ признавались, какъ учрежденія, долженствующія развить въ народѣ понятіе о самоуправленіи и самодѣятельности.

Первоначальная мысль законодателя о земствѣ впослѣдствіи была сильно искажена сначала различнаго рода толкованіями земскаго положенія подлежащими министрами, сенатомъ и даже губернскими по земскимъ дѣламъ присутствіями, а затѣмъ и изданіемъ новаго Положенія 1890 года, съ предварительнымъ введеніемъ за годъ предъ этимъ института земскихъ начальниковъ. При послѣднемъ о самодѣятельности крестьянства въ сущности нечего и говорить, тѣмъ болѣе, что само новое земское положеніе хотя и допускаетъ крестьянъ въ земство по выборамъ самихъ крестьянъ, но изъ числа выбранныхъ, губернаторъ, по своему усмотрѣнію, назначаетъ лишь нѣкоторыхъ. Такъ, напримѣръ, въ Бѣжецкомъ уѣздѣ 30 волостей. Каждая волость избрала по одному представителю въ земство, итого 30 представителей, а изъ нихъ губернаторомъ назначено лишь 11 гласныхъ („Упраздненіе земск. школъ въ Тверскомъ уѣздѣ". Статья В. Д. Кузьмина-Караваева. „Право", 1903 г.)

Объ этомъ кажущемся представительствѣ крестьянъ въ земствѣ мы уже достаточно говорили и къ этому вопросу теперь возвращаться не станемъ; напомнимъ лишь одно, что такъ называемые мѣстные комитеты для дачи свѣдѣній въ особое совѣщаніе о сельско-хозяйственныхъ нуждахъ, учрежденное въ 1902 году подъ предсѣдательствомъ министра финансовъ, обратили свое вниманіе именно на то обстоятельство, что, пока въ земскихъ учрежденіяхъ будутъ отсутствовать сельскія настоящія силы, сельско-хозяйственныя нужды не могутъ быть устранены и не могутъ быть въ достаточной мѣрѣ изслѣдованы.

Затѣмъ въ тѣхъ-же комитетахъ явилась мысль о мелкой

земской единицѣ, какъ о средствѣ пробудить въ населеніи самодѣятельность, безъ которой невозможны ни его развитіе, ни повышеніе его благополучія.

Само вышеупомянутое совѣщаніе считаетъ невозможнымъ улучшеніе нашей сельско-хозяйственной промышленности безъ развитія самодѣятельности въ населеніи.

Въ журналѣ засѣданій совѣщанія отъ 4, 11 и 21-го мая 1902 года говорится:

„По мнѣнію совѣщанія, необходимо остановиться на вопросѣ о томъ, слѣдуетъ-ли искать улучшенія сельско-хозяйственной промышленности преимущественно въ возбужденіи самодѣятельности сельскихъ хозяевъ и въ соотвѣтствіи съ этимъ принимать мѣры къ развитію самодѣятельности и устраненію препятствующихъ ей обстоятельствъ, или-же надлежитъ преимущественно идти путемъ правительственнаго воздѣйствія.

„По этому вопросу сужденія членовъ совѣщанія сводились къ признанію невозможности достиженія серьезнаго успѣха безъ широкаго развитія частной и общественной самодѣятельности. Воздѣйствіе правительства въ области частно-хозяйственной дѣятельности можетъ имѣть примѣненіе лишь при извѣстной ограниченности задачи такого воздѣйствія, или-же въ тѣхъ случаяхъ, когда оно способно создавать исключительныя условія для извѣстной отрасли промышленности, преимущественно путемъ огражденія ея отъ иностраннаго соперничества установленіемъ охранительныхъ таможенныхъ пошлинъ. Такіе пріемы правительственнаго воздѣйствія, очевидно, не примѣнимы у насъ въ сельско-хозяйственной промышленности.

„Равнымъ образомъ, совѣщаніе находило нецѣлесообразнымъ установленіе какой-либо регламентаціи въ области этой промышленности, такъ какъ подобная регламентація, насколько можно судить по нашему и заграничному опыту, рѣдко приводила къ благопріятнымъ результатамъ. Поэтому и надо стремиться къ возбужденію въ населеніи личной предпріимчивости, которая, какъ показываетъ тотъ-же опытъ, является главнымъ и непремѣннымъ условіемъ прочнаго улучшенія хозяйственной дѣятельности. Для объединенія-же и поддержки индивидуальныхъ усилій отдѣльныхъ хозяевъ можетъ оказать значительное содѣйствіе организаціи разнаго рода хозяйственныхъ союзовъ“.

Такъ высказывалась за самодѣятельность нашего крестьянскаго населенія наша бюрократія пять лѣтъ тому назадъ. Но эти мысли въ сознаніе нашего общества проникли еще ранѣе. Мы говорили уже, что значительный толчекъ развитію идеи о самостоятельной мелкой земской единицѣ далъ

агрономическій съѣздъ въ Москвѣ (см. ст. „Мелкая земская единица“, „Кладъ“ № 8 и 9.)

Въ томъ-же 1902 году, когда начались занятія вышеупомянутаго совѣщанія, но нѣсколько ранѣе, кустарный съѣздъ, бывшій въ Петербургѣ, также нашелъ необходимымъ высказаться за предоставленіе населенію возможно большей самодѣятельности. Съѣздъ пришелъ къ категорическому заключенію, что помощь кустарямъ должна являться преимущественно предметомъ непосредственной и самостоятельной дѣятельности мѣстныхъ силъ; центральное-же правительство должно восполнять ее, оказывая мѣстнымъ силамъ свою поддержку. Въ соотвѣтствіи съ такимъ взглядомъ съѣздомъ были рѣшительно отклонены всѣ предложенія объ учрежденіи не только центральныхъ, но и областныхъ обществъ, главную задачу которыхъ составляло руководительство мѣстными силами. По заключенію съѣзда, центральныя и областныя общества съ подобными задачами могутъ принести дѣйствительную пользу лишь при условіи, если они явятся естественнымъ результатомъ распространенія самостоятельности на мѣстахъ, когда она потребуетъ объединяющей организаціи.

Мы не имѣемъ подъ руками „Трудовъ съѣзда дѣятелей по кустарной промышленности“ и пользуемся выписками г. Кузьмина-Караваева изъ его книги „Земство и деревня“ (статья „Правовыя нужды деревни“). Въ только что приведенныхъ словахъ какъ-будто кроется какая-то неясность, но она объясняется тѣмъ, что съѣздъ не желалъ и не имѣлъ возможности прямо и категорически указать, что развитію этой самодѣятельности можетъ способствовать только земство съ расширенными избирательными правами и расширеннымъ кругомъ дѣйствій земскаго самоуправленія. Эта мысль находится рѣшительно во всѣхъ опредѣленіяхъ съѣзда, какъ припоминаемъ мы сами, такъ какъ со съѣздомъ имѣли непосредственное соприкосновеніе, и, какъ читатели увидятъ изъ нижеизложенныхъ отрывковъ, проходитъ красной нитью.

Такъ, по вопросу о кредитѣ было признано, „что въ цѣляхъ успѣшнаго разрѣшенія подобнаго рода задачи, прежде всего, необходимо оказать возможно широкую поддержку самодѣятельности населенія, проявляющейся въ устройствѣ различнаго вида учрежденій мелкаго кредита“. По вопросу объ улучшеніи сбыта кустарныхъ издѣлій и снабженіи кустарей доброкачественными сырыми матеріалами по возможно дешевымъ цѣнамъ съѣздъ высказался „какъ за оказаніе поддержки самодѣятельности населенія, такъ и за устройство земскихъ скла-

довъ, которые, въ свою очередь, должны пользоваться поддержкою со стороны правительства. Основнымъ условіемъ всѣхъ мѣръ данной категоріи должно явиться стремленіе къ сохраненію за кустарями экономической самостоятельности".

Въ соединенномъ засѣданіи первой и третьей секцій много говорилось по вопросу о неопредѣленности и исключительности юридическаго положенія нашего крестьянства, причемъ касались института земскихъ начальниковъ, тѣлесныхъ наказаній по приговорамъ волостныхъ судовъ, и, въ концѣ концовъ, была вынесена слѣдующая резолюція: „Для подъема промышленнаго духа населенія и развитія въ немъ самодѣятельности, необходимо прежде всего свободное развитіе личности, а для достиженія этого необходимо: а) широкое развитіе просвѣщенія на основѣ всеобщаго обученія и надлежащаго простора для взаимодѣйствія образованныхъ слоевъ и трудящихся массъ населенія; б) обезпеченный правопорядокъ и в) свободное устройство образовательныхъ техническихъ и промышленныхъ союзовъ".

Словомъ, мы видимъ, что какъ въ земскихъ кругахъ, такъ въ различныхъ съѣздахъ, а затѣмъ и въ „мѣстныхъ комитетахъ" задолго до „освободительнаго движенія" зрѣла мысль о необходимости предоставить сельскому населенію болѣе самодѣятельности, безъ чего немыслимо поднятіе сельско-хозяйственной промышленности и народнаго благосостоянія, но прежде всего для этого необходимо: а) поднять народное образованіе, б) вывести сельское населеніе изъ-подъ опеки дворянскаго сословія и земскихъ начальниковъ и в) поднять его правосознаніе.

II.

О непросвѣщенности нашего крестьянства двухъ мнѣній быть не можетъ: на эту тему говорится въ печати болѣе 40 лѣтъ. Разумѣется, въ теченіе этого времени для народнаго образованія сдѣлано много, и именно земствомъ, но все-же оно не можетъ быть названо даже удовлетворительнымъ. Одинъ изъ мѣстныхъ комитетовъ говоритъ: „Для развитія нашего крестьянскаго хозяйства прежде всего нужно образованіе, образованіе и образованіе". Съ этимъ, конечно, спорить нечего. Другіе комитеты рекомендовали тотъ или другой типъ школы, но всѣ почти единодушно стоятъ за необходимость всеобщаго обученія.

Нѣкоторые изъ комитетовъ высказались за школу профес-

сіональную сельско-хозяйственную; тѣ-же цѣли, что и эта школа, должно преслѣдовать и внѣшкольное образованіе, т. е., народныя чтенія, библіотеки, воскресные повторительные курсы для взрослыхъ и проч. По этому поводу два комитета высказались категорически противъ профессіональныхъ школъ, полагая, что образованіе нужно не исключительно для достиженія утилитарныхъ цѣлей, а должно имѣть одну задачу—просвѣщеніе. Елецкій комитетъ, говоря о сельской школѣ, далъ такое заключеніе: „Общеобразовательная школа не должна служить средствомъ распространенія профессіональныхъ знаній, въ томъ числѣ и сельско-хозяйственныхъ". Новоторжскій комитетъ призналъ необходимымъ преобразованіе начальной школы въ шестилѣтнюю, со включеніемъ въ программу цѣлаго ряда общеобразовательныхъ предметовъ. „Только такая школа, —высказалъ комитетъ въ заключеніи,—можетъ подготовить человѣка къ разумному отношенію къ окружающей его дѣйствительности и сдѣлать его трудъ столь-же успѣшнымъ и производительнымъ, какъ трудъ другихъ народовъ, далеко ушедшихъ впередъ по пути экономическаго благосостоянія, благодаря ихъ образованности".

Однако, заключеніе елецкаго комитета намъ кажется недостаточно обоснованнымъ въ примѣненіи къ сельской школѣ. Разумѣется, и въ послѣдней прежде всего необходимо пріохотить учащихся къ воспріятію знаній, и именно такихъ, какія необходимы здѣсь на мѣстѣ, въ своемъ именно дѣлѣ. Но для этого нѣтъ нужды дѣлать школу спеціальной, а необходимо, чтобы, выйдя изъ школы, ученикъ могъ умѣть найти себѣ затѣмъ книгу, которая наиболѣе необходима для него. Надо, чтобы школа научила умѣть пользоваться пріобрѣтеннымъ знаніемъ; необходимо, чтобы въ сельской библіотекѣ былъ достаточный матеріалъ для пріобрѣтенія самостоятельныхъ знаній; нужно, чтобы школа широко проникласъ идеей пробудить въ дѣтствѣ въ своихъ ученикахъ любовь къ самодѣятельности.

По поводу заключенія новоторжскаго комитета весьма мѣткое сужденіе высказалъ въ своей книгѣ о крестьянской самодѣятельности г. Кузьминъ-Караваевъ:

„Мысль новоторжскаго комитета абсолютно правильна, но выражена она односторонне. Успѣшность и производительность труда есть посредственный, а не непосредственный результатъ просвѣщенія. Другіе народы ушли далеко впередъ по пути экономическаго благосостоянія, благодаря самодѣятельности. А основныхъ условій самодѣятельности два: просвѣщеніе

и юридическія нормы. И, который изъ этихъ факторовъ стоитъ на первомъ мѣстѣ—еще вопросъ. Просвѣщеніе расширяетъ кругозоръ человѣка, раскрываетъ предъ нимъ новые горизонты. Нормы права его воспитываютъ. Одно просвѣщеніе никогда не подниметъ русскаго крестьянина на должную высоту. Да и возможно-ли просвѣщеніе при безправіи"...

Къ этому приводится слѣдующая недурная иллюстрація: „Въ Ковровскомъ уѣздномъ комитетѣ характерно выразилъ это положеніе крестьянинъ Носковъ. „Надо просить правительство,—сказалъ онъ,—чтобы оно сдѣлало нѣкоторыя измѣненія въ положеніи крестьянъ, а если ихъ сдѣлано не будетъ, то никакія школы и библіотеки, никакія другія мѣры не будутъ въ силахъ поднять сельское крестьянское хозяйство. Оно пало въ послѣднія десять лѣтъ вдвое, падетъ еще вдвое; причина упадка сельскаго хозяйства въ томъ положеніи, въ которомъ находится крестьянство. Кого порютъ розгой? Крестьянина. Кого сажаютъ подъ арестъ? Крестьянина. Мѣщанинъ, купецъ, дворянинъ—всѣ имѣютъ свои права, только не имѣетъ ихъ крестьянинъ. Я вотъ—крестьянинъ: меня пригласили на засѣданіе, и я говорю, а если кому-нибудь мои слова не понравятся—завтра-же меня посадятъ подъ арестъ и некому мнѣ жаловаться. А если не будетъ благоугодно правительству уравнять крестьянина съ другими сословіями и оставятъ крестьянское населеніе въ настоящемъ его положеніи, тогда не помогутъ никакія другія условія и старанія уничтожить бѣдность и поднять благосостояніе крестьянина и его земледѣліе" . („Право", 1902 г., № 40.)

По вопросу о томъ, какое изъ двухъ основныхъ условій самодѣятельности, приводимыхъ г. Кузьминымъ-Караваевымъ, поставить на первомъ мѣстѣ — просвѣщеніе или юридическія нормы, мы не обинуясь отвѣтимъ: оба. И это весьма просто: они другъ безъ друга немыслимы.

Теперь, когда вопросъ о юридическихъ нормахъ для крестьянина признается существующимъ правительствомъ и частью проведенъ уже въ жизнь на основаніи 87 ст. основныхъ законовъ, а въ будущемъ предполагается внести въ одну изъ первыхъ очередей въ государственную думу проектъ „мѣстной реформы", о чемъ мы говорили въ статьѣ „Мелкая земская единица", объ этомъ нечего задумываться. Это—одинъ изъ насущнѣйшихъ вопросовъ думы. На нашъ взглядъ, она должна была-бы заняться имъ тотчасъ послѣ разсмотрѣнія бюджета.

Разумѣется, дума ни въ какомъ случаѣ не должна принимать министерскій проектъ, въ которомъ земскіе начальники

замѣняются участковыми, и, какъ мы уже высказались, такая мѣра является лишь сокращеніемъ института, учрежденнаго 12-го іюня 1889 года, а не уничтоженіемъ его. Число опекуновъ надъ крестьянами уменьшится, а мы настаиваемъ на уничтоженіи самой опеки; иначе, вѣдь, и рѣчи не можетъ быть о крестьянской самодѣятельности.

III.

Министерскій проектъ о „мѣстной реформѣ“ предлагаетъ какъ мелкую земскую единицу, всесословную волость, но рѣшительно ничего не говоритъ о реформированіи земства, точно министерство предполагаетъ возможнымъ въ настоящее время остаться при Положеніи о земствѣ 1890 года.

Но противъ этого высказалась вся страна въ лицѣ мѣстныхъ комитетовъ, образованныхъ въ 1902 году. Государственная дума, разумѣется, не отстанетъ отъ этихъ комитетовъ, состоявшихъ въ доброй своей половинѣ изъ бюрократіи.

Отмѣна Положенія 1890 года неотвратима даже въ томъ случаѣ, если-бы проектъ министерства о „всесословной волости“ былъ принятъ государственной думой, такъ какъ онъ кореннымъ образомъ долженъ измѣнить представительство въ земствѣ.

Съ другой стороны, разъ „всесословная волость“ явится мелкой земской единицей, то и дальнѣйшія земскія учрежденія—уѣздныя и губернскія земства—должны стать всесословными. Но страна не этого хочетъ въ настоящее время: она хочетъ безсословнаго земства, а доказательства этому мы находимъ въ „Сводѣ трудовъ мѣстныхъ комитетовъ по 49 губерніямъ Европейской Россіи“, изданномъ Высочайше учрежденнымъ особымъ совѣщаніемъ о нуждахъ сельско-хозяйственной промышленности. Беремъ въ сокращеніи нѣсколько выдержекъ изъ этого свода.

„Сословная организація земства,—говоритъ тамбовскій комитетъ,—въ настоящее время, когда сословность не имѣетъ уже почти никакого значенія въ жизненныхъ отношеніяхъ, когда сословныя грани почти окончательно уступили мѣсто гранямъ классовымъ, и само понятіе сословныхъ интересовъ отзывается уже какимъ-то анахронизмомъ, не отвѣчаетъ требованіямъ дѣйствительности и вноситъ лишь разладъ во взаимныя отношенія мѣстныхъ людей. Эти мѣстные люди, занимающіеся тѣмъ-же дѣломъ, обладающіе тѣмъ-же культурнымъ цензомъ, несущіе, наконецъ, тѣ-же земскія повинности, пользуются, однако, далеко не тѣми-же правами по отношенію къ направленію зем-

скаго дѣла, по участію въ земскомъ хозяйствѣ. Такимъ образомъ, нарушается основной принципъ всякаго самоуправленія: кто платитъ, тотъ имѣетъ право участія въ распоряженіи общими сборами. Это приходится сказать объ участникахъ второго избирательнаго собранія. Если-же обратиться къ представительству отъ крестьянъ, то тутъ уже полная случайность представительства, въ зависимости отъ усмотрѣнія лицъ, облеченныхъ властью надъ ними и нерѣдко заинтересованныхъ въ составѣ крестьянскихъ гласныхъ. Наконецъ, само присутствіе въ этихъ собраніяхъ гласныхъ отъ крестьянъ вмѣстѣ съ ихъ непосредственнымъ ближайшимъ начальствомъ тоже мало содѣйствуетъ самостоятельности и продуктивности ихъ работъ. Поэтому единственно справедливымъ и полезнымъ для дѣла моглобы быть измѣненіе состава земскаго представительства въ смыслѣ полнаго уничтоженія въ немъ сословныхъ различій и введенія общаго равномѣрнаго права на участіе въ земскихъ дѣлахъ всѣхъ, располагающихъ извѣстнымъ цензомъ". Подъ такимъ цензомъ комитетъ понимаетъ не только недвижимое имущество, но извѣстный доходъ, при извѣстной образовательной подготовкѣ. „Это дастъ возможность многимъ лицамъ,—говоритъ въ заключеніе комитетъ,—тоже мѣстнымъ, хорошо знающимъ мѣстныя условія, но не обладающимъ имущественнымъ цензомъ, вступить въ ряды земскихъ гласныхъ и принести большія услуги земскому дѣлу".

Новгородскій мѣстный комитетъ высказывается болѣе рѣзко и болѣе опредѣленно. Онъ утверждаетъ, что коренной недостатокъ, „по мнѣнію всѣхъ земствъ, заключается въ самой организаціи выборовъ въ гласные—въ сословномъ ихъ характерѣ".

Въ этомъ отношеніи, по мнѣнію комитета, грѣха „не чуждо и Положеніе 1864 года". Раздѣленіе земскихъ представителей на три собранія — земледѣльческое (по-тогдашнему преимущественно дворянское), городское и сельское—комитетъ находитъ вреднымъ, такъ какъ каждая изъ группъ является не представительницей земскихъ интересовъ, а лишь своего класса. „Сторонники такого порядка избранія въ гласные находили тогда, что соединеніе избирателей въ одно собраніе было-бы механическое, ставило-бы крестьянъ въ соотношеніе, не свойственное ихъ понятіямъ и привычкамъ, и вызвало-бы антогонизмъ между сословіями".

„Такія чисто дворянскія тенденціи,—продолжаетъ далѣе комитетъ,—сказались и въ вопросѣ, кому быть предсѣдателемъ земскихъ собраній, и проявились съ особенной энергіей и на-

стойчивостью при обсужденіи проекта Положенія 1864 года въ государственномъ совѣтѣ. Представители двухъ мнѣній о предсѣдателѣ земскихъ собраній, т. е., долженъ-ли онъ быть лицомъ, избраннымъ самимъ собраніемъ, или предсѣдателемъ долженъ быть уѣздный предводитель дворянства, раздѣлились поровну, по 23 голоса; мнѣніе за предводителя было Высочайше утверждено, а Положеніе дало ему въ руки сильную дискреціонную власть надъ собраніемъ. Если такой сословный характеръ преобладалъ въ первомъ Положеніи, къ которому мечтаютъ вернуться лучшіе земскіе дѣятели, то что уже говорить о характерѣ нынѣ дѣйствующаго Положенія 12-го іюня 1890 года. По этому Положенію все мѣстное самоуправленіе отдано въ руки одного сословія—дворянства; главные дѣятели сельско-хозяйственной промышленности и созидатели всѣхъ нашихъ матеріальныхъ благъ—крестьяне не принимаютъ никакого участія въ мѣстномъ самоуправленіи, такъ какъ нельзя назвать представителями отъ крестьянскаго сословія количественно незамѣтную группу крестьянскихъ гласныхъ не выбранныхъ, а назначенныхъ губернскою властью по представленію земскихъ начальниковъ".

Большинство отзывовъ мѣстныхъ комитетовъ по данному вопросу подходитъ къ двумъ только что приведеннымъ: одни изъ нихъ болѣе распространенные, другіе—менѣе, но въ общемъ фактъ тотъ, что всѣ стоятъ за отмѣну Положенія 1890 года и за созданіе новаго, а въ крайнемъ случаѣ за возвратъ Положенія 1864 года.

Мнѣнія мѣстныхъ комитетовъ въ пользу безсословности земскаго представительства, въ общихъ чертахъ, сводятся къ слѣдующему:

По изстари установившимся понятіямъ подъ словомъ „земство" подразумѣвается все населеніе, какъ представитель земли. По Положенію 1864 года гласные, получая свои полномочія отъ безсословныхъ съѣздовъ, являлись въ земскомъ собраніи представителями данной мѣстности, не стѣсняемыми сословными прерогативами. Можно думать, что въ сознаніи полученія своихъ полномочій отъ всего населенія заключалась не малая доля причинности того высокаго подъема земскихъ дѣятелей недавняго прошлаго, который привлекъ къ земству симпатіи широкихъ слоевъ населенія. По новому Положенію въ земствѣ нѣтъ представителей отъ населенія, а имѣются лишь представители сословій.

Повторяемъ, пренебречь мнѣніями мѣстныхъ комитетовъ не можетъ ни правительство,

ни государственная дума. Устройство правильной земской жизни, согласованное съ ея назрѣвшими требованіями, должно быть первой заботой нашего народнаго представительства. Безъ широкаго земскаго дѣйствительнаго, а не призрачнаго, самоуправленія намъ не добиться успокоенія въ странѣ, не направить ея на широкую культурную работу и не залечить тѣхъ ранъ и язвъ изстрадавшейся родины, которыми она покрылась въ теченіе почти тридцатилѣтняго произвола бюрократіи. Одно лишь благоустроенное земство, безсословное, съ уравненіемъ правъ всѣхъ классовъ можетъ возбудить народъ къ той самодѣятельности, о которой мы мечтаемъ и на которую смотримъ съ завистью, коль скоро замѣчаемъ ее у нашихъ западныхъ сосѣдей.

IV.

Напоминаемъ, что мнѣнія мѣстныхъ комитетовъ относятся къ 1902 году. Земцы, какъ принадлежавшіе къ бюрократической средѣ, такъ и не подлежавшіе ея вліянію, глубоко сознавали ненормальное положеніе земства и искусственное пріостановленіе его роста, но подъ режимомъ двухъ министерствъ, слѣдовавшихъ одно за другимъ, Сипягина и Плеве они были лишены возможности открыто и громко заявить о своихъ нуждахъ. Лишь въ 1905 г. эта возможность явилась, когда Высочайшимъ указомъ 18-го февраля населенію, въ томъ числѣ и общественнымъ учрежденіямъ, было предоставлено право доводить до свѣдѣнія Государя соображенія по вопросамъ государственнаго благоустройства. Однако, этимъ правомъ далеко не всѣ земскія и городскія общественныя управленія успѣли воспользоваться, такъ какъ появился манифестъ 6-го августа 1905 г. о совѣщательной государственной думѣ, а вмѣстѣ съ тѣмъ явилась и отмѣна дѣйствій указа 18-го февраля, чѣмъ, конечно, былъ заглушенъ голосъ общественныхъ учрежденій.

Несмотря на это, земцы все-же встрепенулись и собрались въ Москвѣ на съѣздъ. Но представителями на съѣздѣ были лица, не избранныя земскими уѣздными собраніями и городскими думами, а намѣченныя иниціаторами съѣзда, т. е., московской земской управой. Безусловно всѣ земства признавали необходимость такого съѣзда, особенно ввиду того, что въ различныхъ общественныхъ организаціяхъ явилось стремленіе бойкотировать будущую государственную думу. Первый земскій съѣздъ, подъ вліяніемъ взбудораженныхъ политическихъ чувствъ, строго не оформленный, не имѣвшій въ лицѣ съѣхавшихся земцевъ

полномочій отъ мѣстныхъ учрежденій, занялся не своимъ прямымъ дѣломъ—обсужденіемъ желательной земской реформы, а широкой политикой. Вслѣдъ за этимъ съѣздомъ, какъ въ городскихъ думахъ, такъ и въ уѣздныхъ земскихъ собраніяхъ, явился вопросъ, какъ отнестись къ этому „земскому съѣзду". Отвѣты въ большинствѣ получились отрицательные. Причина—не только то, что съѣздъ недостаточно былъ оформленъ, такъ сказать, узаконенъ, но и сами его постановленія. Это прекрасно характеризуется особой комиссіей новгородской городской думы, представившей по поводу манифеста 17-го октября 1905 года свой докладъ собранію гласныхъ (31 окт. 1905 г.). Указывая на отмѣну указа 18-го февраля, докладъ говоритъ:

„Умѣренный голосъ общественныхъ учрежденій былъ такимъ образомъ заглушенъ, но правительство было безсильно заглушить голосъ свободно образовавшихся организацій профессіонально-политическихъ союзовъ, въ которыхъ уже при самомъ ихъ зарожденіи получили преобладаніе элементы крайнихъ соціалъ-демократической и соціалъ-революціонной партій. Въ средѣ прогрессивныхъ элементовъ земскаго и городского общественныхъ управленій преобладаніе оставалось еще за людьми болѣе умѣренными, и мы видимъ, что, въ то время какъ различные профессіональные союзы единодушно рѣшили бойкотировать государственную думу, съѣздъ земскихъ и городскихъ представителей призналъ участіе въ думѣ необходимымъ, употребилъ всѣ мѣры къ тому, чтобы на предстоящихъ выборахъ обезпечить побѣду за приверженцами своихъ взглядовъ, организовался въ партію, присвоившую себѣ наименованіе конституціонно-демократической, и первый опубликовалъ воззваніе партіи. Однако, уже въ это время съѣздъ земскихъ и городскихъ представителей обнаружилъ стремленіе сблизиться съ крайними партіями, выразившееся какъ въ извѣстномъ положеніи о федеративномъ устройствѣ Имперіи, такъ и въ крайне туманной редакціи важнѣйшаго пункта аграрной программы, въ которой исключеніе слова „землевладѣніе" и оставленіе одного слова „землепользованіе" можно считать прямой уступкой партіи соціалъ-демократовъ, ставящей одной изъ своихъ цѣлей уничтоженіе всякой земельной собственности.

Ограничиваясь этой выпиской, достаточно характеризующей первый земскій съѣздъ, мы приведемъ предложенныя комиссіей новгородской думѣ два существенныя постановленія (ихъ 9—всѣ приняты единогласно):

„3) Признать, что правительство, идя къ осуществленію манифеста 17-го октября, не можетъ и не должно опираться на

заявленія ни бюро, ни отдѣльныхъ лицъ, ни даже всего московскаго съѣзда земскихъ и городскихъ представителей, ибо члены этого съѣзда не могутъ быть признаны получившими полномочія отъ земскихъ собраній и думъ. При томъ въ составѣ съѣзда играли слишкомъ большую роль представители профессіонально-политическихъ союзовъ, которыхъ тенденціи не раздѣляются въ широкихъ кругахъ общественныхъ самоуправленій.

„4) Если-бы правительствомъ было признано необходимымъ до созыва государственной думы знать мнѣніе и имѣть опору въ какомъ-либо съѣздѣ представителей общественныхъ учрежденій, то высказаться, что единственною временною опорою для правительства могъ-бы быть съѣздъ представителей, немедленно и спеціально для того выбранныхъ всѣми городскими думами и уѣздными земскими собраніями“.

Въ такомъ духѣ отнеслись къ первому съѣзду почти всѣ думы и земскія собранія, въ которыхъ обсуждался вопросъ о немъ. Отрицательное отношеніе къ нему явилось, на нашъ взглядъ, потому, что онъ не занялся своимъ прямымъ дѣломъ— земской реформой и вопросами объ упорядоченіи народнаго хозяйства. Если-бы это было своевременно сдѣлано и затѣмъ труды съѣзда были доложены въ первую-же голову первой государственной думѣ, то наша жизнь теперь была-бы уже значительно упорядочена. Но правительство не откликнулось на разумное предложеніе собрать общеземскій съѣздъ и предложить ему выработать земскую реформу, а потому и до сихъ поръ, какъ увидимъ ниже, земцы въ своихъ съѣздахъ толкутъ воду въ ступѣ.

V.

Мы видѣли, что для земской жизни общеземскій съѣздъ 1905 года не имѣлъ рѣшительно никакого значенія, для нея онъ былъ безплоденъ; мало того, онъ способствовалъ разложенію земскихъ дѣятелей: его наиболѣе прогрессивные элементы ударились въ крайность, пренебрегли мѣстными земскими интересами и занялись широкой общегосударственной политикой. Несомнѣнно, этимъ обезсилилась земщина на мѣстахъ. Образовавшіяся политическія партіи стали мѣшать земской дѣятельности настолько, что о необходимости земской реформы забыли. Первая государственная дума отуманила головы земцевъ, мѣстные вопросы отошли куда-то въ сторону. Правительство того времени пришло въ думу безъ какой-либо опредѣленной программы, безъ законопроектовъ. Судьба этой думы хорошо извѣстна: нѣтъ надобности напоминать о ней детально. Но ко второй думѣ правитель-

ство, во главѣ съ г. Столыпинымъ, подготовилось: оно завалило вторую думу своими законопроектами, въ томъ числѣ внесло проектъ и о мѣстной реформѣ, ограничившись, однако, предложеніемъ учредить мелкую земскую единицу. О самомъ этомъ проектѣ мы говорили отдѣльно и къ нему теперь возвращаться не станемъ. Но вторая дума, несмотря на то, что въ нее вошло не мало крайнихъ правыхъ элементовъ изъ земства, умѣвшихъ, между прочимъ, одержать нѣкоторыя побѣды на послѣднихъ земскихъ выборахъ, пренебрегла такъ-же, какъ и первая, разсмотрѣніемъ вопроса о земской реформѣ и вскорѣ покончила свое существованіе.

Возвратившись на мѣста, правые земцы стали усиленно хлопотать объ общеземскомъ съѣздѣ, который и состоялся въ іюнѣ мѣсяцѣ текущаго 1907 года въ Москвѣ. Представители этого съѣзда имѣли полномочія отъ своихъ земскихъ собраній. На этомъ съѣздѣ изъ членовъ прошлаго съѣзда, если память не измѣняетъ намъ, были всего лишь 14 человѣкъ изъ партіи конституціонно - демократической (ка - детовъ), нѣсколько человѣкъ мирнообновленцевъ, немного больше чѣмъ ка-детовъ, октябристовъ, а остальные были члены союза русскаго народа и его разновидностей. На этотъ разъ съѣздъ былъ оформленъ, но онъ не былъ плодотворенъ: занимался не земской реформой, а осужденіемъ дѣятельности предшествовавшихъ государственныхъ думъ и самовосхваленіемъ. Правда, въ программѣ значилось разсмотрѣніе правительственнаго проекта о мелкой земской единицѣ, но съѣздъ счелъ себя къ этому вопросу не подготовленнымъ и отъ разсмотрѣнія проекта отказался, поручивъ совѣту къ будущему съѣзду выработать особый по этому вопросу докладъ.

Второй съѣздъ состоялся въ послѣднихъ числахъ августа. Предложено было обсудить сначала проектъ правительства о мелкой земской единицѣ, а затѣмъ заслушать докладъ о немъ вмѣстѣ съ проектомъ, составленнымъ г. Ершовымъ, членомъ совѣта земскихъ съѣздовъ. Съѣздъ (собравшійся въ числѣ немногимъ болѣе 100 человѣкъ) отказался отъ обсужденія правительственнаго проекта и пожелалъ прежде выслушать докладъ г. Ершова, сдѣланный, однако, отъ лица совѣта, одобрившаго докладъ.

Существенное отличіе проекта г. Ершова отъ правительственнаго заключается въ томъ, что въ первомъ ни подъ какимъ соусомъ вамъ не преподносятъ института земскихъ начальниковъ и что функціи административныя совершенно выдѣлены. Хотя отдѣльно у насъ читателямъ предлагается от-

четъ о съѣздѣ, но считаемъ не лишнимъ въ короткихъ словахъ напомнить суть проекта г. Ершова:

1) Учреждается всесословная и самоуправляющаяся волость. (Въ этомъ пунктѣ совѣтъ, однако, не пришелъ къ единогласному заключенію: одна часть его предполагаетъ замѣнить мелкой земской единицей крестьянскія сословныя учрежденія — за эту мысль и предсѣдатель съѣзда М. В. Родзянко; другая часть требуетъ сохраненія сословныхъ учрежденій).

2) Мелкая земская единица освобождается отъ подчиненія административнымъ учрежденіямъ. Свободна она и отъ полицейскихъ обязанностей. Правительство слѣдитъ за закономѣрностью дѣйствій всесословнаго волостного земства.

3) Волостное земство недѣлимо и на болѣе мелкія поселковыя земства не распадается. Границы волостного земства опредѣляются уѣзднымъ. Предположенія объ этомъ послѣдняго утверждаются законодательнымъ путемъ въ общегосударственныхъ учрежденіяхъ.

4) Органами мелкой земской единицы являются сходы и собранія. Женщины пользуются одинаковыми правами съ мужчинами. Владѣльцы торговыхъ промышленныхъ и ремесленныхъ учрежденій имѣютъ право участія въ управленіи, проживъ на мѣстѣ не менѣе трехъ лѣтъ. Число гласныхъ опредѣляется уѣзднымъ земствомъ.

5) Должностныя лица волостного самоуправленія освобождаются отъ несенія полицейскихъ обязанностей, а органы администраціи лишаются права вмѣшательства во внутренніе распорядки общины; единоличный волостной старшина можетъ быть замѣненъ коллегіальной волостной управой безъ разрѣшенія администраціи. Всѣ эти вопросы разрѣшаются уѣзднымъ земствомъ. Отвѣтственность за свои дѣйствія волостное земство несетъ только предъ земскими собраніями, но не предъ администраціей.

6) Самообложеніе ограничено. Уѣздныя земства могутъ устанавливать предѣлы для волостного самообложенія, исключать изъ него крупныя имущества (фабрики, заводы и проч.) и разрѣшать волостямъ займы, предѣлы которыхъ установлены закономъ (не выше годового оклада обложенія).

Прежде чѣмъ коснуться отдѣльныхъ пунктовъ этого, приведемъ общее заключеніе съѣзда, которое говоритъ слѣдующее:

„Мелкая земская единица есть учрежденіе всесословное, самоуправляющееся въ предѣлахъ, указанныхъ закономъ, самооблагающееся; будучи учрежденіемъ земскимъ, мелкая земская единица и ея исполнительные органы не могутъ быть одновре-

менно административными органами, но путемъ законодательнымъ государство можетъ возлагать на мелкую земскую единицу нѣкоторыя административныя задачи. Въ такихъ случаяхъ, однако, правительство принимаетъ расходы по этимъ обязанностямъ на свой счетъ".

Какъ-бы ни были консервативны земцы, бывшіе на послѣднемъ съѣздѣ, но они не заслуживаютъ упрека, указаннаго въ письмѣ г. Мухлынина (представителя пермскаго земства), отказавшагося прибыть на августовскій съѣздъ. По мнѣнію автора этого письма, общеземскій іюньскій съѣздъ (продолженіе котораго составляетъ августовскій) оказался собраніемъ людей, во имя личныхъ интересовъ рѣшившихся „не обсуждать и не выработывать новыхъ формъ земской жизни, а закрѣпощать старыя". Такихъ людей было въ съѣздѣ немного: они не могли уничтожить идею о мелкой земской единицѣ и волей-неволей должны были принять ее, тѣмъ болѣе, что никто даже изъ послѣднихъ не рѣшился выступить на защиту чиновничества, отъ котораго, главнымъ образомъ, всѣ участники съѣзда старались защитить земство.

Тѣмъ не менѣе, первый пунктъ проекта мелкой земской единицы вызываетъ недоумѣніе. Почему это нѣкоторой части совѣта, а затѣмъ и части съѣзда, потребовалось сохраненіе крестьянскихъ сословныхъ учрежденій? Тогда, вѣдь, надъ ними попрежнему останется власть чиновника, а хочетъ-ли самъ крестьянинъ этой власти, у него не спросили. Видимо, это сдѣлано въ угоду г. Маркову, курянину, который много говорилъ о разнузданности деревни, о томъ, что она революціонизирована, что она не пойметъ того благодѣянія, которое ей хотятъ дать учрежденіемъ мелкой земской единицы. Короче говоря, для крестьянина все еще, по мнѣнію нѣкоторыхъ, требуются ежовыя рукавицы, а такія гораздо удобнѣе примѣнять къ сословнымъ учрежденіямъ, чѣмъ къ безсословнымъ.

Въ сущности, это — мелочь, но это имѣло вліяніе на послѣднее заключеніе съѣзда, о которомъ скажемъ ниже, но такъ или иначе, однако, мы видимъ, что принципъ освобожденія отъ чиновничьей власти все-таки прошелъ и находитъ себѣ большой кругъ сочувствующихъ.

Не бѣда, что, начиная съ 3-го пункта проекта и до конца, мелкая земская единица, по мысли съѣзда, находится подъ контролемъ уѣздныхъ земскихъ собраній. „Лиха бѣда—начало". Пусть даже и такъ. Допустимъ, что государственная дума приметъ проектъ съѣзда, но, вѣдь, законы не остаются вѣчно незыблемыми, они подвержены измѣненіямъ, какъ и все суще-

ствующее въ мірѣ; и сами основные законы по прошествіи того или другого времени мѣняются. Важно то, что всѣми партіями признается необходимымъ автономное начало земства, что на этомъ должна обосноваться реформа его.

Однако, скрытые противники введенія мелкой земской единицы постарались въ бочку меда подложить свою ложку дегтя. „Земская мелкая единица—дѣло хорошее,—говорятъ они,—да вотъ бѣда: населеніе деревни мало подготовлено къ этой реформѣ. Гдѣ-же нашему мужику, при его неразвитости, невѣжествѣ, неграмотности, управиться съ самоуправленіемъ. Спора нѣтъ, мелкая земская единица, какъ желательное учрежденіе, съѣздомъ принято, но вводить ее слѣдуетъ только въ подготовленныхъ губерніяхъ". Напрасно противъ такого факультативнаго введенія земской единицы возражали гг. Соколовъ, Клюжевъ, Лизогубъ. Особенно сильно было возраженіе перваго.

„Я—сторонникъ народной школы, свѣта, улучшенія быта русскаго крестьянина,—говорилъ онъ.—Когда у меня въ губерніи есть самый глухой и, какъ говорятъ теперь, „не подготовленный" уѣздъ, я именно въ немъ-то и спѣшу поскорѣе открыть школу, посылая туда наиболѣе талантливую учительницу, чтобы она убѣдила темный народъ въ пользѣ науки, выучила ихъ сознательно любить просвѣщеніе. Такъ и мелкая земская единица должна вводиться всюду. Въ этой реформѣ болѣе нуждается „не подготовленное", темное населеніе, чѣмъ болѣе развитое. Новый строй жизни долженъ заглянуть во всѣ медвѣжьи уголки, всюду внести свое благотворное воздѣйствіе"...

Несомнѣнно это такъ, потому что только черезъ мелкую земскую единицу можно возбудить населеніе къ самодѣятельности, безъ чего невозможно поступательное развитіе народа.

Но оставшіеся въ количествѣ 45 человѣкъ земцы приняли, большинствомъ 35 противъ 10, такое постановленіе:

„Мелкая земская единица должна быть введена въ законодательномъ порядкѣ не одновременно, а по постановленію губернскихъ земскихъ собраній".

Нечего и говорить, что это большинство, т. е., 35 человѣкъ,—противники мелкой земской единицы и этимъ путемъ они желаютъ провалить ее у себя на мѣстахъ. Но они забываютъ, что, какъ-бы мѣстные земскіе элементы ни были консервативны, они все-же въ большинствѣ желаютъ расширенія правъ земства; того-же желаютъ и избиратели подъ условіемъ избавленія отъ

чиновничьей опеки. А избиратели найдутъ способъ избавиться и отъ тѣхъ, кто ихъ считаетъ „не подготовленными“ къ давно желанной земской реформѣ.

Въ заключеніе, нельзя не отмѣтить того обстоятельства, что съѣздомъ остались недовольны какъ крайніе лѣвые, такъ и крайніе правые, хотя, какъ мы видѣли, на этотъ разъ онъ былъ далеко не безплоднымъ. Но кн. Мещерскаго, издателя „Гражданина“, онъ привелъ въ юмористическое настроеніе.

„Со съѣздомъ,—замѣтилъ князь Мещерскій,—приключилось нѣчто любопытное: онъ собрался съ тѣмъ, чтобы обсуждать проектъ министра внутреннихъ дѣлъ, внесенный въ покойную думу, о земской мелкой единицѣ, но обсуждалъ вмѣсто этого записку г. Ершова и, обсудивъ оную, громаднымъ большинствомъ голосовъ провалилъ проектъ министра внутреннихъ дѣлъ о земской единицѣ, котораго не обсуждалъ! Такого кунштюка еще въ анналахъ коллегіальныхъ учрежденій не бывало; обсуждать—одно, а провалить—другое. C'est tres fort, какъ говорятъ французы. А, вѣдь, на этомъ съѣздѣ, въ количествѣ 50—60 человѣкъ, была квинтъэссенція земской и дворянской умственной аристократіи! А еще ругаютъ наши волостные и сельскіе сходы. Тамъ, по крайней мѣрѣ, есть причины: мракъ и водка, а здѣсь все люди трезвые, благонамѣренные и неглупые.

„Знаете-ли, къ какому размышленію меня привелъ этотъ земскій съѣздъ? Я представилъ себѣ ту идеальную третью государственную думу, которую г. Столыпинъ надѣется собрать, благодаря новому избирательному закону, и подумалъ: не будетъ-ли она, такая, какъ этотъ московскій земскій съѣздъ? Появится проектъ правительства, начнетъ кто-нибудь говорить о своемъ проектѣ, потомъ въ заключеніе забаллотируютъ проектъ правительства, забывъ, что онъ не былъ обсужденъ, причемъ лѣвые скажутъ про проектъ, что онъ слишкомъ правый, а правые — что онъ слишкомъ лѣвый. Ей-ей, предчувствую, что такъ будетъ“.

Чего добраго, можетъ, конечно, и это случиться, хотя эта иронія по отношенію къ будущей государственной думѣ намъ кажется не умѣстной. Обидно не за думу, но обидно за то, что мы утратили всякую надежду на лучшее будущее. А, между тѣмъ, такъ хочется всѣми силами души и работоспособной думы, и такой, которая, наконецъ, успокоила-бы страну и показала-бы, что русскій народъ не обезлюдѣлъ, что у него есть еще и способные, и любящіе родину люди.

Сельско-хозяйственные союзы и общества за границей и въ Россіи.

Статья Н. В. Алексѣева. (Окончаніе.)

При обществахъ могутъ учреждаться для развитія той или другой отрасли сельскаго хозяйства особые комитеты или комиссіи, напр.: по пчеловодству, по улучшенію мѣстнаго скотоводства, товарищества для веденія правильнаго хозяйства или сбыта сельско-хозяйственныхъ продуктовъ, а также кредитныя учрежденія (ссудо-сберегательныя кассы, кредитныя товарищества, сельско-хозяйственные банки), потребительныя лавки и т. п. Такимъ образомъ, „сельско-хозяйственнымъ обществамъ" предоставлены широкія права, пользуясь которыми можно сравнительно легко и скоро поднять культуру не только въ хозяйствѣ данной мѣстности, но даже и въ самомъ населеніи.

Сельско-хозяйственныя общества, объединяющія и крестьянъ, и помѣщиковъ, и жителей, и священниковъ, не стѣсненныхъ въ выборѣ способовъ улучшенія мѣстнаго хозяйства, могутъ приносить несомнѣнную пользу тѣмъ мѣстностямъ, гдѣ они находятся. Право публичнаго и безпристрастнаго обсужденія своихъ нуждъ, право широко пользоваться услугами печати, право распространенія знаній среди населенія родного края и, наконецъ, право доводить о мѣстныхъ нуждахъ до свѣдѣнія правительства и ходатайствовать объ ихъ удовлетвореніи—это могучія и вѣрныя средства для воздѣйствія на мѣстное хозяйство и бытъ.

Изъ всего сказаннаго видно, что задачи сельско-хозяйственныхъ обществъ охватываютъ интересы, близкіе землевладѣльцамъ, ихъ нуждамъ и запросамъ, и имѣютъ въ виду, въ концѣ концовъ, улучшеніе хозяйственнаго положенія, т. е., именно то, къ чему стремятся каждые отдѣльные хозяева. Благодаря этому, ростъ обществъ годъ отъ года все развивается, особенно послѣ того, какъ упростился способъ полученія разрѣшенія на открытіе этихъ обществъ и опубликованъ примѣрный уставъ. До этого времени, какъ и сказано выше, мелкія сельско-хозяйственныя общества были только въ юго-западныхъ губерніяхъ да въ Остзейскомъ краѣ. Въ 1901 году всѣхъ обществъ у насъ, въ Россіи, уже насчитывалось—112, изъ нихъ около половины въ губерніяхъ съ чисто русскимъ населеніемъ. Въ слѣдующемъ году число ихъ достигло до 250. Больше всего

мелкихъ обществъ въ Самарской губерніи, именно — 30. За ней слѣдуетъ Пермская, въ которой считалось въ 1902 году—14 обществъ, Вятская—10, Саратовская—10, Черниговская—10, Новгородская и Курская по 5, Симбирская — 4, Полтавская — 2 и т. д. Мелкія общества имѣются также въ губерніяхъ Екатеринославской, Таврической, Херсонской, Тамбовской, Тверской, Смоленской, Тульской и другихъ. Значительное развитіе этихъ обществъ въ различныхъ уголкахъ нашей родины указываетъ на то, что они пришлись по душѣ нашему крестьянству, полезны и удовлетворяютъ мѣстнымъ насущнымъ потребностямъ.

Ознакомившись съ полезною дѣятельностью и развитіемъ сельско-хозяйственныхъ обществъ, небезынтересно посмотрѣть, какъ учреждаются они, откуда берутся средства и кто дѣйствуетъ въ нихъ, кто двигаетъ и направляетъ работу ихъ, какими силами достигается ихъ успѣшная дѣятельность? Вѣдь, общества учреждаются, главнымъ образомъ, въ средѣ бѣднаго деревенскаго населенія, откуда-же берутся средства для учрежденія обществъ и ихъ жизнедѣятельности? Въ большинствѣ случаевъ, проводниками товарищескаго начала въ деревнѣ являются наиболѣе смѣтливые и достаточные крестьяне, затѣмъ волостные писаря, помѣщики и духовенство. Выяснивъ необходимость и пользу учрежденія общества въ данной мѣстности, эти лица разсматриваютъ нормальный уставъ „сельско-хозяйственныхъ обществъ“, вносятъ въ него, сообразно съ мѣстными условіями, выработанные ими размѣры членскихъ взносовъ, опредѣляютъ число членовъ совѣта, устанавливаютъ большинство при рѣшеніи вопросовъ въ собраніяхъ и затѣмъ, составивъ прошеніе на имя мѣстнаго губернатора, отправляютъ его вмѣстѣ съ исправленнымъ уставомъ губернатору. Прошеніе обыкновенно подписывается всѣми учредителями. Для учрежденія общества нѣтъ необходимости собирать многолюдныя собранія; вполнѣ достаточно, если наберется для начала человѣкъ 10—15 и даже менѣе того. Вслѣдъ за полученіемъ разрѣшенія отъ губернатора собирается общее учредительное собраніе, которое въ подробностяхъ разработываетъ свой уставъ, намѣчаетъ ближайшія свои задачи и способы ихъ осуществленія.

Для нагляднаго примѣра приведемъ нѣкоторыя выдержки изъ отчета удомельскаго *) сельско-хозяйственнаго общества за первый годъ его дѣятельности, гдѣ авторъ этой статьи состоитъ членомъ и, слѣдовательно, имѣлъ возможность вполнѣ прослѣдить за развитіемъ этого полезнаго учрежденія:

„Осенью 1904 года на общемъ собраніи гг. членовъ троицкаго

*) Удомельское сельско-хозяйственное общество находится въ Вышневолоцкомъ уѣздѣ, Тверской губерніи, на станціи «Удомля», М.-В.-Р. ж. дороги.

приходскаго братства былъ поднятъ вопросъ объ открытіи при братствѣ сельско-хозяйственнаго склада. Эта мысль возникла, главнымъ образомъ, потому, что здѣсь на мѣстѣ продажи сельско-хозяйственныхъ орудій не происходитъ, а выписка ихъ хозяевами поодиночкѣ или невыгодна, или-же иногда совсѣмъ невозможна. На основаніи-же этого вѣскаго довода мысль объ открытіи склада собраніемъ была единодушно одобрена и тутъ-же былъ выработанъ планъ дальнѣйшей работы по этому вопросу. Вскорѣ, по совѣту уѣзднаго агранома В. А. Жемчужникова, мысль объ открытіи склада преобразовалась въ желаніе организованія сельско-хозяйственнаго общества.

„Нашлось болѣе 40 лицъ, одобрившихъ новый проектъ и подписавшихъ на учредительномъ собраніи 2-го января 1905 года уставъ общества и прошеніе о разрѣшеніи его. Разрѣшеніе послѣдовало менѣе чѣмъ черезъ мѣсяцъ и 20-го февраля 1905 года оффиціально было открыто удомельское сельско-хозяйственное общество. Къ этому времени число его членовъ возрасло до 51. Къ 1-му марта общество имѣло въ своемъ составѣ уже 67 членовъ.

„7-го апрѣля 1905 года обществомъ были открыты складъ сѣмянъ и орудій и торговля потребительными товарами. Средствами для торговли послужили: отпускъ товаровъ на комиссію изъ Вышневолоцкаго земскаго склада и ссуды, выданныя обществу нѣкоторыми членами на годъ. Сумма безпроцентной ссуды простирается до 400 рублей, а ссуды за проценты на сроки въ нѣсколько мѣсяцевъ до 3.000 рублей. Кромѣ того, обществу оказали довѣріе нѣкоторыя торговыя фирмы, а всего оборотныхъ суммъ набралось до 4.500 рублей“.

Здѣсь мы считаемъ не лишнимъ привести нѣкоторыя цифровыя данныя изъ названнаго отчета; напримѣръ: къ 15-му декабря 1905 года наличность товара въ складѣ, имущества и денежныхъ суммъ выразилась—5.513 р. 96 к., долги-же составляли 5.250 р. 93 к. Слѣдовательно, въ одиннадцать мѣсяцевъ существованія общество не только не израсходовалось, но и пріобрѣло—263 р. 3 к. Надо замѣтить, что въ началѣ года общество не имѣло никакихъ средствъ. Не лишне будетъ также привести табличку проданныхъ товаровъ по отдѣламъ. Всего продано:

1) полевыхъ и огородныхъ сѣмянъ на .	1.434 р.	76 к.	
2) сельск. орудій и мелкаго инструмента.	2.167 „	93 „	
3) пчеловодныхъ принадлежностей . . .	40 „	66 „	
4) канцелярскихъ принадлежностей. . .	104 „	64 „	и. т. д.

Въ этой таблицѣ, довольно длинной въ отчетѣ, благодаря отдѣламъ, наибольшая сумма ложится на хлѣбный товаръ (что, конечно, очень грустно), а затѣмъ на первые два отдѣла, что, разумѣется,

весьма отрадно, такъ какъ изъ склада общества населеніе получало несравненно лучшія, чѣмъ мѣстныя, сѣмена и, благодаря кредиту, пріобрѣтало сельско-хозяйственныя орудія, которыхъ прежде у крестьянъ вслѣдствіе ихъ дороговизны не было

Обращаясь къ табличкѣ проданныхъ сельско-хозяйственныхъ орудій, видимъ, что продано:

плуговъ	64	шт.	клевера	43	пуд.
боронъ мелкихъ . .	4	„	тимофеевки. . . .	18	„
диск. боронъ. . .	1	„	вики	17	„
конныя грабли . .	1	„	овса	65	„
вѣялокъ	3	„	ячменя	26	„
молотилка . . .	1	„	ржи	19	„
косъ	577	„	различныхъ минеральныхъ удобреній . .	33	„
льна	400	пуд.	огородн. сѣмянъ на .	92	руб.
картоф. (на сѣмена).	730	„			

Эта табличка уже явно указываетъ на плодотворное вліяніе новаго общества на мѣстную сельско-хозяйственную культуру. Продажа плуговъ въ количествѣ 64 штукъ — фактъ для мѣстности знаменательный. Крестьянами давно была сознана необходимость плужной вспашки, но за отдаленностью земскаго склада и отсутствіемъ разсрочки имъ волей-неволей приходилось довольствоваться сохой. Съ другой стороны, пріобрѣтеніе крестьянами, хотя и въ ограниченномъ количествѣ, сѣмянъ клевера, тимофеевки и вики опять-таки указываетъ на сознанную нѣкоторыми изъ крестьянъ потребность травосѣянія. Не надо быть пророкомъ, чтобы смѣло предсказать, что спросъ какъ на сельско-хозяйственныя орудія, такъ и на сѣмена къ концу слѣдующаго года существованія общества возрастетъ по крайней мѣрѣ раза въ три-четыре. На это указываютъ какъ продажа этихъ предметовъ въ текущемъ году, такъ и тѣ положительные и назидательные результаты, которые признали сами крестьяне, купившіе и примѣнившіе какъ орудія обработки, такъ и сѣмена травъ.

Просвѣтительная дѣятельность молодого удомельскаго общества сказалась въ открытіи библіотеки, на которую тверской губернской управой была выдана безвозвратная ссуда въ размѣрѣ 150 рублей. Въ мартѣ 1906 года изъ книжнаго склада тверского губернскаго земства выписано книгъ на сумму 215 р. 55 к. Библіотека уже функціонируетъ; въ ея составъ вошли книги какъ по сельскому хозяйству, такъ и по правовымъ и общественнымъ вопросамъ, а также беллетристика. Кромѣ этихъ книгъ, имѣется еще до 200 томовъ, пожертвованныхъ различными лицами, а также и различные журналы: „Родина“, „Нива“, „Деревня“ и другіе.

Что касается отношенія мѣстнаго населенія къ обществу, видно изъ того, что лавка общества ежедневно переполнена крестьянами,

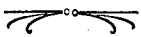
иногда пріѣзжающими въ нее верстъ за 20 — 30 и часто изъ такихъ деревень, гдѣ имѣются свои „излюбленныя“ лавочки. Главной причиной подобнаго отношенія крестьянъ къ лавкѣ общества является, конечно, продажа въ ней сельско-хозяйственныхъ орудій и сѣмянъ. Другая причина—библіотека и справочный отдѣлъ общества, который пока, къ сожалѣнію, еще слабо развитъ.

Присматриваясь къ развитію общества и все возрастающему къ нему интересу крестьянъ, невольно приходишь къ заключенію, что въ широкой организаціи возможно большого числа сельско-хозяйственныхъ обществъ — залогъ культуры крестьянскаго хозяйства и даже мелкой земской единицы.

„Сельско-хозяйственныя общества“—ячейка нашей будущей землевладѣльческой коопераціи и народной культуры. Широкое развитіе ихъ, безспорно, должно спасти и спасетъ нашу многострадальную деревню отъ земельнаго кризиса, нищеты и мрака неграмотности. Оно-же спасетъ наше крестьянство отъ безпощадной алчности скупщиковъ продуктовъ сельскаго хозяйства и лѣсопромышленниковъ.

У насъ, на Руси, еще не перевелось, еще господствуетъ кулаческое начало. „Кулаки“ устраиваютъ свои синдикаты, свои стачки и по невозможно низкой цѣнѣ скупаютъ у мѣстныхъ крестьянъ лѣсъ, сѣно, овесъ, ленъ и другіе продукты сельскаго хозяйства. Сельско-хозяйственныя общества въ большинствѣ случаевъ принимаютъ на себя роль комиссіонеровъ по продажѣ этихъ продуктовъ и даже устанавливаютъ цѣны на нихъ, что, разумѣется, крайне благопріятно отзывается на крестьянскихъ средствахъ и больше бьетъ по карману „кулачество“.

Единственно, что можно сказать противъ сельско-хозяйственныхъ обществъ—это дѣйствіе ихъ на сравнительно большіе раіоны, но и тутъ есть выходъ, необходимый и крайне желательный. Необходимо учрежденіе отдѣловъ общества, объединяющихъ крестьянъ 2—3 деревень, что, очевидно, повлечетъ за собою организацію артелей на манеръ заграничныхъ. Тогда роль нынѣшнихъ обществъ сведется къ значенію центральныхъ учрежденій, вѣдающихъ дѣятельность мелкихъ отдѣловъ, ссужающихъ ихъ необходимыми средствами, устанавливающихъ биржу, служащихъ очагомъ культуры и просвѣщенія. А отсюда—одинъ шагъ къ учрежденію мелкой земской единицы, т. е., того учрежденія, въ которомъ, безспорно, — залогъ будущаго благосостоянія и возрожденія крестьянства нашей изстрадавшейся родины.



Не убій!

Когда-то съ вершины Синая блуждавшему по пустынѣ народу среди рева бури, въ грохотѣ грома, при ослѣпительномъ блескѣ молніи раздалось слово божественнаго закона: „Не убій!..“

Съ тѣхъ поръ прошли тысячелѣтія, но данные на Синаѣ основные законы каждаго человѣческаго существованія остаются неизмѣнными. И среди нихъ законъ „Не убій!“ остается непреложною святою истиной.

Нужды нѣтъ, что этотъ законъ не исполняется. Нѣтъ такого закона, даже божественнаго, который такъ или иначе не нарушался-бы. Непремѣнны только законы природы (солнце никогда не взойдетъ съ запада), всѣ-же остальные законы, созданные для человѣка, для того чтобы поставить въ извѣстныя опредѣленныя рамки его волю, нарушаются постоянно; но всегда, при каждомъ, иногда даже необходимомъ, нарушеніи ихъ неизмѣнно пробуждается и начинаетъ роптать совѣсть, этотъ неумолимый, безжалостный прокуроръ каждой человѣческой души.

Возьмите, такъ сказать, „узаконеннаго убійцу“ — палача. Онъ совершаетъ кровопролитіе, которое люди условились считать необходимымъ. А развѣ онъ спокоенъ? Развѣ тамъ, въ какомъ-то невѣдомомъ тайникѣ его души, не грызетъ его неумолимый червякъ—совѣсть? Вѣдь, это совершенно справедливо, и не нужно даже быть сантиментальнымъ, чтобы съ инстинктивнымъ отвращеніемъ относиться къ каждому убійству.

Но какъ-же тогда объяснить всѣ тѣ убійства, кровопролитія, которыя вотъ уже третій годъ совершаются повсюду въ Россіи? Вѣдь, часто человѣкъ убиваетъ въ наше время человѣка, не имѣя къ этому ни малѣйшаго повода. Какъ-же объяснить это?

Психіатры пробуютъ объяснять такое прямо ненормальное явленіе маніей убійства, эпидемически охватившей русскій народъ, другими словами, извѣстнаго рода помѣшательствомъ. Какой-то центръ въ мозгѣ множества человѣческихъ индивидовъ пересталъ работать, пересталъ задерживать—и вотъ послѣдствія этого.

Конечно, не хватитъ больницъ, чтобы запереть въ нихъ

всѣхъ сумасшедствующихъ, и средствомъ излеченія ихъ является только авторитетное образумливающее слово.

Такое слово сказано великимъ писателемъ гр. Л. Н. Толстымъ, статью котораго „Не убій никого!“ перепечатала съ корректурнаго оттиска газета „Слово“.

Вотъ эта статья:

„Христіанинъ не долженъ убивать никого, ни непосредственно, ни посредственно, пособляя убійствамъ.

„Удивительный законъ возмездія,—говоритъ Левъ Николаевичъ, — неизбѣжно карающій людей, извращающихъ законъ Бога.

„Тысяча девятьсотъ лѣтъ тому назадъ Христосъ, провозглашая основныя заповѣди Своего ученія, во главу всѣхъ поставилъ заповѣдь: „Не убій“ (заповѣдь эту Онъ считалъ до такой степени установленной, что Онъ не говорилъ о ней), а заповѣдь о томъ, что всякій человѣкъ долженъ избѣгать всего того, что можетъ привести къ убійству: не держать зла на ближняго, прощать всѣхъ, со всѣми мириться, не имѣть враговъ. (Мѳ. V, 21—26).

„Но эта заповѣдь не только не была принята людьми, но даже древняя заповѣдь, запрещавшая убійство, была отвергнута такъ-же, какъ она была отвергнута и законами Моисея, и люди, называвшіе себя христіанами, продолжали съ полной увѣренностью въ своей правотѣ убивать и на войнѣ, и дома всѣхъ тѣхъ людей, смерть которыхъ представлялась имъ желательной“.

Далѣе Л. Н. говоритъ:

„И сдѣлалось то, что происходитъ теперь въ Россіи, т. е., то, что послѣ 1900 лѣтъ проповѣди христіанства люди уже два года, не переставая, убиваютъ другъ друга: революціонеры — своихъ враговъ, правители—своихъ враговъ, убиваютъ мужчинъ, женщинъ, дѣтей,—всѣхъ тѣхъ, смерть которыхъ считаютъ для себя полезной, и что удивительнѣе всего, это—то, что, поступая такъ, они вполнѣ увѣрены, что не нарушаютъ ни нравственнаго, ни религіознаго закона.

„Дошло до того, что если-бы теперь дать въ Россіи всѣмъ людямъ возможность убивать всѣхъ тѣхъ, кого они считаютъ для себя вредными, то почти всѣ русскіе люди поубивали-бы другъ друга: революціонеры—всѣхъ правителей и капиталистовъ, правители и капиталисты—всѣхъ революціонеровъ, крестьяне—всѣхъ землевладѣльцевъ, землевладѣльцы—всѣхъ крестьянъ и т. д.

„И это—не шутка, а дѣйствительно такъ. И это ужасное состояніе народа продолжается уже нѣсколько лѣтъ и съ каждымъ годомъ, мѣсяцемъ, днемъ, становится все хуже и хуже.

„Русскіе люди могутъ теперь видѣть то, чего не могли видѣть европейскіе народы, именно то, къ чему привела народы ихъ борьба съ своими правительствами. Русскіе люди не могутъ не видѣть того, что вся эта борьба не только не уничтожила, но даже не уменьшила того зла, съ которымъ они боролись. Не могутъ не видѣть русскіе люди того, что всѣ потраченныя во время революціи усилія, вся пролитая кровь не уничтожили бѣдности и зависимости трудящихся отъ богатыхъ и властвующихъ, не прекратились траты народныхъ силъ на захваты чужихъ владѣній, на войны. Не могутъ не видѣть русскіе люди той тщеты борьбы насилія противъ насилія, на которую столько силъ напрасно потратили европейскіе народы. Въ этомъ одна причина различія теперешняго положенія русскихъ людей отъ положенія людей западнаго міра сто лѣтъ тому назадъ.

„Другая-же, и самая важная, причина въ томъ, что, кромѣ оффиціальной религіи, привитой какъ всѣмъ западнымъ, такъ и русскому народу, въ русскомъ народѣ съ самыхъ древнихъ временъ, рядомъ съ этой оффиціальной, всегда жила другая неоффиціальная, жизненная, христіанская вѣра, какимъ-то страннымъ путемъ, черезъ святыя жизни старцевъ, черезъ юродивыхъ, странниковъ, проникшая въ народъ и въ пословицахъ, въ разсказахъ, легендахъ, утвердившаяся въ немъ и руководившая имъ. Сущность этой вѣры въ томъ, что человѣку жить надо по-Божьи для души, что люди всѣ—братья, что то, что велико предъ людьми, то мерзость предъ Богомъ, что спастись можетъ человѣкъ не исполненіемъ обрядовъ и молитвами, а только дѣлами милосердія и любви. Вѣра эта всегда жила въ народѣ и была его истинной вѣрой, руководящей его жизнью. Вѣра эта лѣтъ семьдесятъ тому назадъ еще была сильна въ народѣ, но въ послѣднія пятьдесятъ лѣтъ, въ особенности вслѣдствіе упадка нравственности духовенства, и въ особенности монашества, стала все больше и больше ослабѣвать во всемъ народѣ и стала выдѣляться въ секты такъ называемыхъ: молоканъ, штундистовъ, хлыстовъ, субботниковъ, Божьихъ людей, малеванцевъ, еговистовъ, духоборовъ и многихъ другихъ. Общія черты большинства этихъ сектъ, кромѣ общаго всѣмъ рѣшительнаго отрицанія православія, были все большее и большее внесеніе въ поведеніе нравственныхъ христіанскихъ правилъ и непризнаніе законности и необходимости убійства

человѣка человѣкомъ. Вѣра эта въ послѣднее время, какъ-бы въ отпорѣ революціонному озлобленію, захватившему часть русскихъ людей, все болѣе и болѣе уясняется и очищается; людей самыхъ различныхъ общественныхъ положеній и образованій, исповѣдующихъ эту вѣру, становится все больше и больше, люди эти все больше и больше сближаются между собою, и пониманіе ими христіанской истины все болѣе и болѣе упрощается и вносится въ жизнь.

„Русскому народу предстоятъ теперь два пути, — говоритъ гр. Толстой:—одинъ тотъ, по которому шли и идутъ европейскіе народы: насиліемъ бороться съ насиліемъ, побороть его и насиліемъ-же установить и стараться поддерживать вновь установленный, такой-же, какъ свергнутый, насильственный порядокъ вещей. Другой-же—тотъ, чтобы, понявъ то, что соединеніе людей насиліемъ можетъ быть только временнымъ, но что истинно соединитъ людей могутъ только одно и то-же пониманіе жизни и вытекающій изъ него законъ,—попытаться уяснить себѣ то болѣе или менѣе ясно сознаваемое народомъ пониманіе жизни и вытекающій изъ него законъ, исключающій, во всякомъ случаѣ, разрѣшеніе убійства человѣкомъ человѣка, уяснить себѣ это пониманіе жизни и на немъ, только на немъ, а не на насиліи основать свою жизнь и свое единеніе.

„Замѣна соединенія людей, основаннаго на насиліи, соединеніемъ, основаннымъ на общемъ всѣмъ людямъ нашего христіанскаго пониманія жизни, предстоитъ и всему христіанскому человѣчеству.

„Утечетъ еще много воды, а можетъ быть, и крови, пока это совершится. Но не можетъ быть того, чтобы это не совершилось. Не можетъ быть того, чтобы не пришло, наконецъ, время для людей христіанскаго міра, когда они, освободившись отъ ложной вѣры и отъ возникшаго на ней насилія, не соединились-бы всѣ въ одномъ высшемъ, такомъ общемъ имъ всѣмъ религіозномъ пониманіи жизни, при которомъ не только невозможно, но совершенно не нужно убійство человѣка человѣкомъ. Придетъ это время, потому что жизнь людей, соединенная насиліемъ, возникшимъ на пережитой уже людьми вѣрѣ, можетъ быть временнымъ переходнымъ состояніемъ, но не можетъ быть жизнью разумныхъ существъ.

„Животныя могутъ быть соединены насиліемъ, но люди могутъ соединяться только однимъ общимъ для всѣхъ пониманіемъ жизни. Общее-же для всѣхъ людей нашего міра пониманіе жизни это есть то, которое выражено въ томъ христіанствѣ.

при которомъ, какъ-бы мы ни понимали его, не можетъ быть допущена полезность, необходимость, законность убійства.

„И какъ велико должно быть извращеніе нравственно-религіознаго чувства людей,—восклицаетъ гр. Толстой,—когда имъ нужно доказывать, что „Не убій“ не значитъ то, что можно убивать людей другихъ народовъ и еще тѣхъ, убійства которыхъ мы признали для себя полезнымъ, а что слова эти, нами приписываемыя Богу, значатъ то, что не должно, и потому нельзя убивать никого!“

Въ тяжелую пору.

Льются крови святой человѣческой
По землѣ православной моря,
Сынъ, убитый рукою отеческой
У ступеней святыхъ алтаря,
И отъ сына отецъ погибающій,
И на брата родимаго братъ,
Руку съ острымъ ножомъ поднимающій—
Всѣ неистовой злобой горятъ.
Всѣхъ безумье объяло свирѣпое,
Всѣ враги до конца межъ собой.
Въ ихъ сердцахъ озлобленье нелѣпое
Воспиталось безумной борьбой,
Всякихъ бѣдъ роковое стеченіе
Поселило въ ничтожныхъ сердцахъ
Безпричинное ожесточеніе
И отняло спасительный страхъ.
Отошло прочь величье духовное,
Палъ порывомъ надломленный духъ,
Обуяло всѣхъ чувство грѣховное,
Свѣточъ правды нежданно потухъ.
Въ тьмѣ, средь бѣлаго дня наступающей,
Скрылась прежняго счастья краса
И о родинѣ нашей страдающей
Позабыли совсѣмъ небеса.
Превратилися въ сирую, хилую
Мощь и слава родимой земли...
Боже, вспомни про родину милую,
Исцѣленье ей, бѣдной, пошли!

Ив. Юрченко.

Казненные и оправданный.

21-го августа, едва забрежжилъ первый свѣтъ наступающаго утра, на Лисьемъ Носу расчитались за свои земныя преступленія Наумовъ, Никитенко и Синявскій—трое осужденныхъ по дѣлу заговора, подготовлявшаго злодѣйское покушеніе на священную для русскихъ жизнь Государя Императора.

О послѣднихъ моментахъ жизни этихъ преступниковъ газеты сообщаютъ слѣдующія свѣдѣнія.

«20-го августа,—разсказываетъ «Русь»,—пом. команд. войсками петербургскаго округа сообщилъ прокурору военно-окружного суда о томъ, что кассаціонной жалобѣ отъ имени защиты и подсудимыхъ по дѣлу о заговорѣ не дано хода и что приговоръ конфирмованъ. Военный судъ препроводилъ утвержденный приговоръ прокурору окружного суда съ предписаніемъ привести его въ исполненіе въ ближайшій срокъ. Въ 2 часа того-же дня дѣлопроизводитель прокурора сообщилъ прис. повѣр. С. П. Елисѣеву о конфирмаціи приговора и о предписаніи привести его въ исполненіе. Послѣдній въ началѣ третьяго часа снесся съ Н. Д. Соколовымъ и съ другими представителями защиты, чтобы рѣшить вопросъ о томъ, какъ поступить въ данномъ случаѣ съ присужденными къ казни. Нѣкоторые защитники стояли на томъ, чтобы оставить осужденныхъ въ полномъ невѣдѣніи. Но одержало верхъ мнѣніе тѣхъ, которые сочли необходимымъ сообщить осужденнымъ на тотъ случай, если они найдутъ необходимымъ переговорить съ родными и прочими подсудимыми. Въ 10 часовъ вечера Н. Д. Соколовъ обратился къ предсѣдателю суда Мухину съ просьбой разрѣшить осужденнымъ на казнь послѣднее общее свиданіе совмѣстно съ прочими подсудимыми. Предсѣдатель суда разрѣшилъ. Н. Д. Соколовъ сообщилъ о конфирмаціи осужденнымъ и о разрѣшеніи имъ собраться на двадцать минутъ. Осужденные: Никитенко, Синявскій и Наумовъ спокойно отнеслись къ сообщенію Н. Д. Соколова и очень обрадовались возможности поговорить съ товарищами-подсудимыми. Во время бесѣды Никитенко успокаивалъ подсудимыхъ и вмѣстѣ съ Синявскимъ очень внимательно отнесся къ Наумову. Въ 2 часа ночи ихъ троихъ посадили въ баржу и на буксирѣ парохода увезли.

«Казнь происходила на разсвѣтѣ на Лисьемъ Носу. Какъ только осужденные высадились и въ сопровожденіи конвоя приблизились къ эшафоту, тов. прокурора предложилъ имъ написать письма или словесно передать что-либо роднымъ. Присужденные отказались. Затѣмъ къ нимъ пошелъ священникъ съ предложеніемъ поговорить, причаститься. Никитенко и Синявскій отказались. Наумовъ выслушалъ краткое напутствіе священника, положилъ два земныхъ поклона и былъ казненъ первымъ. Вторымъ былъ казненъ Никитенко и послѣднимъ Синявскій. Смерть послѣдовала немедленно».

Мать Никитенко узнала о казни совершенно случайно

Будучи въ полной увѣренности въ томъ, что она получитъ обычное свиданіе съ сыномъ, она 21-го утромъ, чуть свѣтъ, отправилась со своей сестрой въ домъ предварительнаго заключенія. Прибыли туда, отправились къ дежурному офицеру просить о назначеніи имъ свиданія нѣсколько раньше назначеннаго времени. Офицеръ отвѣтилъ, что Борисъ Никитенко увезенъ изъ дома предварительнаго заключенія въ крѣпость. На всѣ разспросы матери: зачѣмъ, для какой цѣли?—онъ отвѣтилъ, что ему ровно ничего неизвѣстно, и направилъ ихъ въ крѣпость. Онѣ немедленно отправились туда. Тамъ караульный офицеръ категорически заявилъ, что ни ночью, ни наканунѣ сюда никого не привозили. Возникшія было надежды матери мало-по-малу стали разсѣиваться.

«— Уже на извозчикѣ, по дорогѣ изъ крѣпости,—сообщила она,—я стала подумывать о томъ, что сынъ мой казненъ, но гдѣ? когда?—слезы приступали къ ея горлу и не дали ей докончить фразу. Оправившись, она продолжала:—какъ только мы пріѣхали сюда, я бросилась къ телефону и стала добиваться у защитниковъ о судьбѣ моего сына. Впрочемъ, мнѣ не долго пришлось ждать. Мнѣ сказали»...

Еще ранѣе приговора, въ ожиданіи его неблагопріятности для подсудимаго, г-жа Никитенко рѣшила хлопотать о помилованіи, но Борисъ Никитенко просилъ ее не дѣлать этого. Однако, его мать рѣшила поступить по-своему. Сотрудникъ «Руси» передалъ слѣдующія ея слова:

«— Когда судъ вынесъ въ окончательной формѣ приговоръ, коимъ мой сынъ присуждается къ смертной казни, я, по совѣту защитниковъ и друзей, вручила заготовленное мной прошеніе о помилованіи на Высочайшее имя предсѣдателю суда для передачи по назначенію. Къ тому-же времени я послала другое прошеніе для той-же цѣли и отъ одного очень вліятельнаго генерала на дѣйствительной службѣ, сама-же поѣхала въ Петергофъ и тамъ подала аналогичное прошеніе на имя Государыни Императрицы. Уже на слѣдующій день въ Петергофѣ мнѣ удалось узнать у дежурнаго флиг.-адъютанта, что мои прошенія съ курьеромъ отправлены по назначенію. Понятно, мой мужъ, служащій по артиллеріи въ Севастополѣ, который по долгу службы вынужденъ былъ покинуть Петербургъ и вернуться къ себѣ, оттуда тоже подалъ на Высочайшее имя, ходатайствуя о помилованіи сына».

Но ходатайства не увѣнчались успѣхомъ.

Семья г-жи Никитенко большая. Въ Севастополѣ у нея восемь человѣкъ дѣтей и всѣ они благонамѣренны. Относительно своего 23-лѣтняго сына Бориса г-жа Никитенко разсказала слѣдующее:

«— Онъ до прошлаго года, до выхода въ отставку, былъ извѣстенъ своей дѣятельностью. Въ томъ, что онъ попалъ въ ряды революціонеровъ, исключительно виноваты тѣ тяжелыя времена, какія переживались въ Россіи и которыя въ особенности деморализовали массы у насъ, въ Севастополѣ. Никакому описанію не поддаются тѣ ужасы, которые приходилось переживать у насъ во время очаковскаго возстанія. И тогда еще мой сынъ былъ въ рядахъ флота, усмирявшаго возстаніе очаковцевъ, и онъ руководилъ судномъ, отвозившимъ Шмидта и

соучастниковъ изъ Севастополя въ Очаковъ. Только хаосъ жизни, воцарившійся у насъ послѣ этихъ событій, форменное столпотвореніе, могли произвести такую перемѣну въ головѣ моего сына. Съ дѣтства онъ былъ внимателенъ и заботливъ къ родителямъ. Его сыновняя привязанность къ намъ объясняется тѣмъ, что все время онъ воспитывался подъ нашимъ наблюденіемъ и руководствомъ и до выхода въ отставку находился дома. Кончивши три класса реальнаго училища, онъ поступилъ въ морской корпусъ, по окончаніи его посѣщалъ еще штурманскіе курсы въ Севастополѣ и въ 1901 году поступилъ на службу. Въ іюлѣ 1906 г. онъ вышелъ въ отставку. Служилъ онъ очень хорошо. Уже по выходѣ его въ отставку, къ намъ дважды обращался Добровольный флотъ съ просьбой опредѣлить его къ нимъ. Послѣднее предложеніе Добровольнаго флота, сдѣланное 7-го апрѣля 1907 года, не могло дойти до него, за отсутствіемъ точнаго адреса. А затѣмъ его уже арестовали».

Итакъ, кто виноватъ въ томъ, что погибла молодая жизнь, покончилъ существованіе многообѣщавшій молодой человѣкъ, недавно еще бывшій вѣрнымъ сыномъ своего страдающаго отечества? Кто виноватъ? Отвѣтъ ясенъ—тѣ, кто увлекъ его въ безумную смуту, порожденную не доблестнымъ стремленіемъ создать новую, счастливую жизнь погибавшей отъ рокового застоя родинѣ, а сдѣлавшіе смуту только орудіемъ своихъ подлыхъ, своекорыстныхъ происковъ, стремившіеся черезъ нее изъ мерзкаго подполья пробраться на высоту, чтобы, очутившись тамъ, поработить себѣ великій многострадальный народъ. Только ради этого лилась рѣками русская кровь, морями — слезы русскихъ женъ, матерей, сиротъ; только ради этого строились безумныя «возстанія», въ родѣ московскаго, сводились съума неокрѣпшіе умы русской молодежи.

Пожалѣемъ-же читатель, несчастную г-жу Никитенко, какъ мать,—велико ея горе! Но вспомнимъ, что только въ семьѣ пріобрѣтаются прочные устои всего нравственнаго человѣка, и если казненный Никитенко позволилъ такъ быстро увлечь себя изъ одной крайности въ другую, стало быть, у него не было прочныхъ устоевъ его духовнаго бытія.

Въ предыдущемъ номерѣ «Клада» мы разсказали, что за сутки до казни въ тюрьмѣ состоялась свадьба осужденнаго на казнь Синявскаго (ему 22 года) съ женщиной, которая была его гражданской женой. Бракосочетаніе происходило въ церкви пересыльной тюрьмы, совершалъ его тюремный священникъ Флеровъ, свидѣтелями были надзиратели тюрьмы, никто изъ постороннихъ въ церковь допущенъ не былъ.

«Предоставляемъ читателямъ,—говоритъ «Петерб. Газ.»,— вообразить себѣ подробности этого вѣнчанія человѣка, который сознавалъ все время, что ночью-же можетъ быть повѣшенъ. Отказываемся также изображать чувства новобрачной, которая лишена была надежды когда-нибудь увидѣть мужа послѣ свадьбы».

Защитникъ Синявскаго, прис. пов. Н. Д. Соколовъ разсказалъ сотруднику помянутой газеты слѣдующее:

«— Особа, на которой Синявскій женился, была его гражданской женой. У нихъ есть дочь, полуторагодовалая. Г-жа Синявская—курсистка, дочь судебнаго слѣдователя. Удивительны

самообладаніе и присутствіе духа этой женщины! Узнавъ, что Синявскій осужденъ на смертную казнь, она твердо рѣшила повѣнчаться съ нимъ».

О томъ, какъ удалось ей это, г-жа Синявская разсказывала сама сотрудникамъ газетъ слѣдующее:

«— Еще давно до приговора я, отчасти по личному желанію, отчасти по просьбѣ мужа, стала добиваться разрѣшенія властей обвѣнчаться съ нимъ. Не мало хлопотъ стоило мнѣ добиться окончательнаго разрѣшенія гражданскихъ властей. Это разрѣшеніе я получила 14-го августа. Съ нимъ я отправилась къ священнику Флерову (въ домѣ предварительнаго заключенія), представила ему это разрѣшеніе и ходатайствовала, во-первыхъ, о томъ, чтобы вѣнчать насъ просто, безъ всякихъ свидѣтельствъ о причастіи и исповѣди, такъ какъ это идетъ вразрѣзъ какъ съ моими убѣжденіями, такъ, главнымъ образомъ, съ убѣжденіями мужа; во-вторыхъ, чтобы насъ освободили отъ обязательныхъ въ такихъ случаяхъ оглашеній, выкличекъ, такъ какъ ихъ у насъ нѣтъ, а чтобы получить выклички, необходимо затратить очень много времени. Отецъ Флеровъ согласился освободить насъ отъ причастія и исповѣди, но отъ удовлетворенія второй просьбы категорически отказался, мотивируя тѣмъ, что это не въ его власти и что на это необходимо особенное разрѣшеніе митрополита. На слѣдующій день я обратилась къ викарію о. Кириллу (митрополита не было). Викарій меня принялъ очень хорошо, былъ весьма тронутъ положеніемъ, въ которомъ я очутилась, самымъ подробнымъ образомъ разспрашивалъ, гдѣ я училась, чѣмъ живу и занимаюсь, но разрѣшить вѣнчаніе безъ выклички согласился лишь въ томъ случаѣ, если священникъ дома предварительнаго заключенія, Флеровъ, возьметъ на себя отвѣтственность за тѣ послѣдствія, которыя могутъ произойти. При этомъ викарій замѣтилъ, что если Флерову достовѣрно извѣстно, что между мной и мужемъ нѣтъ тѣсныхъ родственныхъ связей до вѣнчанія и что если всѣ ритуалы, необходимые съ точки зрѣнія православной церкви, въ данномъ случаѣ налицо, то онъ препятствовать не будетъ и всячески будетъ способствовать успѣшному исходу. Викарій, помимо словеснаго объясненія всѣхъ этихъ причинъ, изложилъ всѣ обстоятельства дѣла еще и на бумагѣ. Съ этой бумагой я отправилась къ митрополиту Антонію для полученія необходимой санкціи и отъ него. Онъ меня не принялъ. Дѣлопроизводитель пошелъ докладывать митрополиту и взялъ съ собою мотивированное мнѣніе викарія. На это послѣдовала резолюція митрополита, по которой такая форма совершенно не допустима, какъ носящая характеръ приказа о. Флерову. Тогда-же митрополитъ заявилъ, что не можетъ вообще разрѣшить бракъ съ человѣкомъ, приговореннымъ къ смертной казни. Дѣлать было нечего, и я снова обратилась къ о. Флерову. Онъ поѣхалъ со мной къ викарію. Во всѣхъ этихъ ходатайствахъ энергичное участіе принималъ, кромѣ о. Флерова, также присяжный повѣренный Н. Д. Соколовъ. Викарій выслушалъ меня съ большимъ участіемъ и сказалъ, что необходимо будетъ вторично обратиться къ митрополиту, а затѣмъ и въ св. синодъ. Все это необходимо продѣлать сейчасъ и тогда можно будетъ повѣнчать насъ еще въ пятницу. Послѣ нѣкоторыхъ трудовъ я доби-

лась аудіенціи у оберъ-прокурора св. синода. Изложивъ ему суть дѣла, приложивъ всѣ имѣющіеся у меня бумаги и документы, я мотивировала свое ходатайство желаніемъ усыновить сына на тотъ случай, если мужъ будетъ казненъ.

«Оберъ-прокуроръ вначалѣ не соглашался, заявилъ мнѣ, что я, хотя и совершеннолѣтняя, тѣмъ не менѣе необходимо согласіе на такой бракъ и со стороны родителей, которые могутъ воспрепятствовать. На это я ему возразила, что мнѣ хорошо извѣстно мнѣніе моихъ, какъ и Синявскаго, родителей, совершенно согласныхъ на бракъ до приговора. Оберъ-прокуроръ затруднялся еще разрѣшить потому, что для этого необходимо согласіе всѣхъ членовъ синода, а созвать экстренное засѣданіе было совершенно невозможно. Но ввиду усиленнаго ходатайства о. Флерова и моего онъ поручилъ состоящему при немъ чиновнику особыхъ порученій объѣздить всѣхъ засѣдающихъ въ синодѣ съ бумагой о разрѣшеніи вѣнчанія мнѣ съ Синявскимъ для подписи. Вся эта процедура закончилась только въ субботу къ 4 часамъ дня. Тогда я, получивъ на руки разрѣшеніе, отправилась прямо къ митрополиту Антонію для того, чтобы получить необходимое разрѣшеніе и отъ него. На сей разъ онъ меня принялъ и далъ свое согласіе, и о. Флеровъ обѣщалъ насъ повѣнчать.

«О. Флеровъ насъ обвѣнчалъ въ присутствіи нѣсколькихъ надзирателей, которые подписались, какъ свидѣтели, и помощника начальника тюрьмы. На ходатайство моего мужа о допущеніи въ качествѣ свидѣтелей товарищей изъ заключенныхъ тюремное начальство отвѣтило отказомъ. Вѣнчавшій о. Флеровъ въ словѣ, которое произнесъ онъ, пожелалъ мужу жизни. Послѣ вѣнчанія мнѣ разрѣшили оставаться съ мужемъ полтора часа и до этого дали нѣсколько свиданій не въ очередь, на которыя я являлась съ ребенкомъ. Въ газетахъ появилась замѣтка о моемъ желаніи обвѣнчаться, вытекающемъ исключительно изъ желанія усыновить ребенка. Какъ видно, газеты были введены въ заблужденіе мотивированной моей просьбой у оберъ-прокурора, гдѣ другія причины не дѣйствительны или менѣе дѣйствительны; на самомъ дѣлѣ, главнымъ образомъ, меня къ тому побудило желаніе получать постоянныя съ нимъ свиданія, желаніе въ качествѣ жены сопутствовать ему въ пути на тотъ случай, если смертная казнь будетъ замѣнена ссылкой».

Конечно, великое и святое дѣло—бракъ, но во всей этой безусловно трогательной исторіи есть одно обстоятельство, которое вызываетъ невольное смущеніе. Эта Синявская совершенно откровенно и открыто заявила газетнымъ хроникерамъ, и черезъ нихъ, стало быть, и всему міру, что таинства православной церкви не соотвѣтствуютъ убѣжденіямъ ни ея, ни ея мужа. «Свѣтъ», обсуждая бракъ Синявскихъ, высказалъ слѣдующія совершенно вѣрныя, по нашему мнѣнію, мысли.

«Этотъ драматическій эпизодъ таковъ,—написалъ въ упомянутой газетѣ П. Ухтубужскій, — что поневолѣ забываешь о партіяхъ, политикѣ и т. п. вещахъ и васъ поражаетъ только одно, а именно: страданіе человѣческой души.

«Женщина, отдавшаяся человѣку, имѣющая отъ него ребенка, узнаетъ, что ея возлюбленный осужденъ на смерть. И вотъ она хочетъ запечатлѣть свой союзъ предъ страшнымъ лицомъ

смерти. Представьте себѣ эту трагическую картину вѣнчанія въ тюремной церкви. Брачные обѣты даетъ и получаетъ человѣкъ, которому суждено—онъ это знаетъ—умереть завтра, не позже.

«Революціонныя газеты, эксплоатируя этотъ эпизодъ въ своихъ цѣляхъ, въ антипатичномъ и даже смѣшномъ видѣ изображаютъ затрудненія, которыя чинила четѣ Синявскихъ церковная власть. Что, дескать, это за люди, которые говорятъ о какихъ-то обрядахъ, ударяясь въ какую-то формалистику въ то время, какъ на ихъ глазахъ происходило нѣчто въ высшей степени трагическое!

«Человѣкъ такъ устроенъ, что видитъ только то, что относится только къ нему самымъ непосредственнымъ образомъ. У «жалобщиковъ» только и хватаетъ жалости, что на Синявскаго и Синявскую съ ребенкомъ, а, между тѣмъ, драматизмъ названнаго эпизода несравненно глубже и всеобъемлющъ. Если вы вдумаетесь въ эту исторію предсмертнаго вѣнчанія, то у васъ обольется кровью сердце за великое начало, подвергнувшееся поруганію, за святую православную церковь.

«Дѣло въ томъ, что, прося о разрѣшеніи вступить въ бракъ, Синявскій и его сожительница совершенно открыто заявили, что церковнаго таинства не признаютъ и что бракъ имъ нуженъ, только какъ пустая формальность, исполненіемъ которой обусловливается полученіе различныхъ гражданскихъ правъ и преимуществъ. Но требовать совершенія надъ собой таинства, не признавая этого таинства, значитъ открыто надругиваться надъ таинствомъ. Могла-ли церковная власть легко и сразу согласиться на такую просьбу?

«Въ концѣ концовъ, ходатайство Синявскихъ было уважено. По этому поводу мнѣ уже приходилось выслушивать много негодующихъ замѣчаній по поводу образа дѣйствій въ этомъ дѣлѣ церковныхъ властей. Зачѣмъ синодъ разрѣшилъ церковное вѣнчаніе четѣ, которая выражала пренебреженіе таинству?

«Не совѣтуемъ читателямъ слѣдовать примѣру этихъ негодующихъ и осуждать епископовъ, склонившихся на просьбу Синявскихъ. Послѣдователи Евангелія, исполнители Духа Христова не могли дѣйствовать прямолинейно. Вѣдь, о глумленіи надъ таинствомъ у женщины, просившей епископовъ исполненія ея просьбы, не могло быть рѣчи. Если она заявляла о своемъ невѣріи, то это могло быть признано также честной откровенностью. Лучше прямо признаваться въ своихъ заблужденіяхъ, чѣмъ вдаваться въ лицемѣріе и ханжество. И, кромѣ того, сожительница Синявскаго переживала глубокое горе, можетъ быть, была близка къ отчаянію. Пусть любая женщина поставитъ себя на ея мѣсто. Не сегодня-завтра будетъ казненъ ея возлюбленный, ея мужъ, отецъ ея ребенка, человѣкъ, съ которымъ она связала всю свою жизнь. Кто-бы ни была эта женщина, какія-бы ни были ея религіозныя убѣжденія, архіереи и священники, исполнители завѣтовъ Христовыхъ, не могли не почувствовать къ ней состраданія, не могли не желать хоть сколько-нибудь облегчить для нея переживаемое ею время страшной и тяжкой скорби».

Выражаясь такъ, «Свѣтъ» приводитъ еще нѣсколько дѣльныхъ мыслей по поводу этого случая, къ чему мы еще и

вернемся въ другомъ мѣстѣ, здѣсь-же, въ заключеніе приведемъ разсказъ оправданнаго прис. повѣр. Ѳеодосьева.

«Жизнерадостный и веселый человѣкъ до своего внезапнаго ареста, М. Е. Ѳеодосьевъ,—разсказываетъ хроникеръ «Петерб. Газеты»,—столько пережилъ и перенспыталъ за время слѣдствія и суда, что не скоро еще оправится отъ ужаса ожиданія результатовъ суда.

«— Всегда велика была моя вѣра въ русскій судъ,—говорилъ М. Е. Ѳеодосьевъ.—Но тутъ, сознавая полную свою невинность и непричастность къ заговору, я ждалъ для себя обвинительнаго приговора. Мнѣ казалось, что разъ подсудимымъ въ вину поставлено самое ужасное изъ преступленій—заговоръ на цареубійство, то судьи, въ особенности военные, не станутъ разбираться въ уликахъ, а осудятъ всѣхъ огуломъ. Съ перваго-же дня суда я увидѣлъ, что совершенно неправильно думалъ о судьяхъ. Не говорю уже о предсѣдателѣ суда, опытномъ юристѣ, но и простые офицеры-судьи, подполковники армейскихъ полковъ, съ такимъ вниманіемъ относились ко всему, что происходило предъ ними, такъ участливо къ судьбѣ подсудимыхъ, обо всемъ разспрашивали, что я очень скоро почувствовалъ увѣренность въ своемъ оправданіи. И все-таки гдѣ-то внутри шевелился червь сомнѣнія... А что, если не повѣрятъ?... Такую смѣсь увѣренности въ оправданіе, полнѣйшей невинности своей и вѣры въ судей, съ одной стороны, и мрачное предчувствіе осужденія съ другой я испытывалъ до послѣдняго момента. Можно-ли передать словами то настроеніе, въ которомъ мы, подсудимые, слушали рѣчи нашихъ защитниковъ?.. Вѣдь, тутъ шла борьба за жизнь, всѣ надежды на спасеніе сосредоточились на этихъ рѣчахъ. Превосходная во всѣхъ отношеніяхъ рѣчь моего защитника прис. пов. Маклакова была первой. Я видѣлъ по лицамъ судей, что они внимательно слѣдятъ за системой доказательствъ Маклакова и вполнѣ вѣрятъ ему. Когда онъ кончилъ, я вздохнулъ съ чувствомъ полнаго облегченія. Мнѣ показалось, что судьи сочувственно на меня смотрѣли. Вторымъ говорилъ защитникъ моей жены, прис. пов. С. А. Андреевскій. Этотъ Петроній адвокатуры, со свойственнымъ ему спокойнымъ чувствомъ достоинства, произнесъ красивую, теплую рѣчь. Всѣ говорили тепло и прекрасно: Муравьевъ, Базуновъ, Рапопортъ, Андрониковъ и другіе, одинъ лучше другого. Когда-же сказалъ свою чудную, задушевную рѣчь прис. пов. А. С. Зарудный, у многихъ подсудимыхъ отлегло отъ сердца. Я ждалъ приговора уже безъ трепета. И за себя, и за жену я былъ спокоенъ. Когда судьи вышли и объявили оправдательный приговоръ шестерымъ подсудимымъ, я до глубины души почувствовалъ, что не напрасна моя вѣра въ русскихъ судей. Я никогда не забуду того участія, которое проявили ко мнѣ совершенно незнакомые мнѣ люди, военные и штатскіе, присутствовавшіе при произнесеніи приговора. Всѣ они наперерывъ поздравляли меня и пожимали руку. Прокуроръ подполковникъ Ильинъ, державшій себя весь процессъ удивительно корректно, также горячо меня поздравлялъ».

„Красный пѣтухъ“ разгулялся.

Статья **В. А. Клейна.**

I.

Набатъ въ печати.—Переборъ стараго хлама. Въ нашей ежедневной прессѣ съ конца августа вдругъ ударили въ набатъ: „Русь горитъ“, „Русь выжигаютъ“. Больше двухъ лѣтъ мы не слышали этого набата, хотя и въ теченіе ихъ „Русь горѣла“, какъ и въ былое время. Одинъ изъ публицистовъ даже увѣряетъ, что „Россія продолжаетъ быть горящимъ царствомъ, какъ во времена Рюрика“. Откуда публицистъ почерпнулъ свѣдѣнія о томъ, какъ горѣла Русь при Рюрикѣ, онъ скромно объ этомъ умалчиваетъ, но мы все-же дерзнемъ сказать, что при Рюрикѣ, навѣрное, Русь, наша страна, меньше горѣла, чѣмъ теперь, хотя-бы уже потому, что тогда, навѣрное, было меньше построекъ. Это, впрочемъ, лишь къ слову. Но кому-же не извѣстно, что о „красномъ пѣтухѣ“, о его зловредности мы чуть не каждое лѣто говоримъ въ печати и каждый годъ перетряхиваемъ старый литературный по этому вопросу хламъ? Всѣ-же разсужденія сводятся, въ видѣ упрека правительству и обществу, къ одному „словъ мало, необходимо дѣло, а послѣдняго что-то мало замѣтно“. Въ два послѣдніе года о пожарахъ мало говорили: не то революція, не то освободительное движеніе мѣшало.

Перетряхивая старый хламъ о пожарахъ въ настоящее время, наша публицистика, въ лицѣ, напримѣръ, г. Меньшикова, упрекаетъ пожарную статистику въ томъ, что ея свѣдѣнія, получаемыя черезъ губернаторовъ, „берутся обыкновенно съ потолка“. И съ остроуміемъ, свойственнымъ этому писателю, онъ рисуетъ картину составленія свѣдѣній о пожарѣ.

„Послѣдній исполнитель задачи, заданной изъ Петербурга,—говоритъ онъ,—какой-нибудь урядникъ или волостной писарь, поднимаетъ глаза кверху, соображаетъ „приблизительно“ и смѣло пишетъ цифру, внушенную ему первой шаловливой мухой. По этому статистическому методу не трудно опредѣлить даже число пролетѣвшихъ черезъ губернію рябчиковъ, но что толка въ такомъ счисленіи“.

Несмотря на такой скептицизмъ къ губернаторской стати-

стикѣ, это не мѣшаетъ г. Меньшикову ссылаться на вычисленія, сдѣланныя А. А. Прессомъ въ его докладѣ Всероссійскому пожарному съѣзду въ Москвѣ въ 1902 году.

Въ основу доклада г. Пресса входили свѣдѣнія изъ губернаторскихъ отчетовъ и отчетовъ губернскихъ земствъ, и смѣемъ увѣрить г. просвѣщеннаго публициста, что эти свѣдѣнія не „съ потолка", а составлены на основаніи точныхъ и категорическихъ цифръ. Г. Меньшиковъ, осудивъ ихъ, или, вѣрнѣе, ѣхаивъ, признаетъ выводъ г. Пресса вѣрнымъ, что Россія въ годъ выгораетъ на 400 милліоновъ рублей.

Позволимъ себѣ познакомить читателя съ тѣми цифрами, откуда сдѣланъ этотъ выводъ.

На 1000 рублей застрахованнаго имущества страховыя отъ огня общества взимаютъ въ среднемъ 7 рублей. Изъ собранныхъ такимъ путемъ суммъ, какъ это достовѣрно установлено, 20% поступаютъ въ прибыль общества, а 80% идутъ на выдачу погорѣльцамъ, другими словами, изъ каждаго имущества, застрахованнаго въ 1000 рублей, ежегодно сгораетъ его на 5,6 рубля. Та-же пропорція сгораемости, очевидно, будетъ и не застрахованнаго имущества. Стоимость имуществъ въ Россіи опредѣляется приблизительно въ 60 милліардовъ рублей. Не трудно теперь вычислить, что всего сгораетъ въ Россіи имущества на 336 милліоновъ. Въ дѣйствительности-же сгорѣвшее имущество, какъ это исчислено самими-же страховыми обществами, даетъ убытка въ 8 разъ больше, чѣмъ они выдаютъ. Всего въ годъ они выплачиваютъ 50.000.000 рублей, и, такимъ образомъ, убытокъ окажется въ 400.000.000 рублей.

Однако, приведемъ болѣе позднѣйшія соображенія, которыя признаютъ и только что сдѣланные выводы. Такъ, г. Анкинъ, ссылаясь на эти-же цифры, говоритъ:

„Въ подкрѣпленіе вышеприведенныхъ цифръ можемъ прибавить только, что на основаніи данныхъ, взятыхъ изъ земской статистики, размѣръ убытка, который Россія ежегодно несетъ на пожарахъ только крестьянскаго имущества, равняется 200.000.000 рублей *).

„Итакъ, слѣдовательно, можно утверждать, что въ среднемъ ежедневно у насъ въ Россіи, сгораетъ имущества на 1.000.000 рублей. Война считается величайшимъ бѣдствіемъ для государства, а знаете-ли, что война съ Турціей обходилась намъ ежедневно лишь въ полмилліона. Слѣдовательно, опустошенія, которыя производитъ на площади Россіи

*) Анкинъ. Изъ обихода современной деревни. «В. Зн.» 1904 г.

огонь, ужаснѣе, чѣмъ всѣ потери, которыя сопряжены съ такимъ бѣдствіемъ, какъ война.

„Присмотримся нѣсколько ближе къ пожарамъ собственно сельской Россіи. Если мы возьмемъ только Европейскую Россію, то увидимъ, что въ ея уѣздахъ (отбрасывая всѣ данныя относительно городовъ) ежегодно въ среднемъ возникаетъ до 47.000 пожаровъ, или до 129 пожаровъ ежедневно; эти пожары поглощаютъ ежедневно свыше 150.000 различныхъ строеній, или каждый день въ среднемъ 413 строеній. Само собою разумѣется, что подобная опустошительность пожаровъ поглощаетъ такія суммы, на которыя безбѣдно могло-бы существовать нѣсколько сотъ тысячъ человѣкъ рабочаго возраста".

Пожаръ городовъ не такъ ужасенъ, какъ деревенскій. Учету движимое имущество сельскаго населенія рѣдко поддается: иногда это—просто хламъ, не имѣющій цѣнности, а безъ него-то именно незатѣйливое крестьянское хозяйство, какъ безъ рукъ, и не скоро этотъ видимо негодный скарбъ вновь добудешь.

II.

Пожары. — Мѣры противъ нихъ. — Поджоги. Пожары въ деревняхъ такъ-же, какъ во многихъ случаяхъ и въ городахъ, возникаютъ отъ „неизвѣстной причины". Эта виновница пожаровъ попадается на каждомъ шагу, а поймать ее никакъ не могутъ! Порой думается, ужъ не самовозгораніе-ли дѣйствуетъ. Вотъ еще недавно сообщалось, что въ одномъ случаѣ солнце оказалось въ роли поджигателя. Въ лабораторіи одного изъ ученыхъ вдругъ ни съ того, ни съ сего задымился столъ. Оказалось, что на столѣ была колба, которая, пропуская сквозь себя солнечные лучи, сыграла роль зажигательнаго стекла. Случай весьма вѣроятный. И въ городахъ, гдѣ имѣется разнообразная стеклянная посуда, быть можетъ, онъ не такъ рѣдокъ, какъ это можетъ казаться съ перваго взгляда, но въ нашихъ деревняхъ, въ селахъ онъ врядъ-ли мыслимъ.

Двѣ другія причины пожаровъ — неустройство печей и неосторожное обращеніе съ огнемъ.

Относительно неустройства печи въ большинствѣ существуютъ лишь догадки: деревенскія постройки разъ загораются, то горятъ до тла и установить послѣ этого, была-ли печь благоустроена, или нѣтъ, не представляется возможности. Обыкновенно въ каждомъ селѣ или деревнѣ печи однотипны, а потому или всѣ онѣ благоустроены, или-же никуда не годятся.

Неосторожное обращеніе съ огнемъ почти всегда выясняется; въ большинствѣ это—неосторожность курильщиковъ, особенно

изъ молодыхъ, спящихъ лѣтомъ во дворѣ, на сѣновалѣ, въ овинѣ, въ сараяхъ, баняхъ и проч. Другой видъ неосторожности—пьяное состояніе. Послѣдній видъ неосторожности больше всего наблюдается зимой и въ праздники.

Однако, есть еще одна причина пожаровъ, на которую до послѣдняго времени очень мало указывалось: это—оставленіе лѣтомъ дома дѣтей безъ призора. Интересны въ этомъ отношеніи цифры, приводимыя въ докладѣ бар. Ѳ. О. Буксгевдена, представленномъ послѣднему пожарному съѣзду. (Беру нѣсколько данныхъ изъ статьи уже упомянутаго г. Анкина.)

Въ Смоленской губерніи число всѣхъ пожаровъ, происшедшихъ отъ шалости дѣтей и несовершеннолѣтнихъ, составляло 2% всѣхъ пожаровъ въ теченіе 8 мѣсяцевъ и дало земству убытковъ 13.738 рублей. Въ Екатеринославской губ. въ послѣднее десятилѣтіе въ среднемъ отъ указанной причины ежегодно бывало до 25 пожаровъ, уничтожавшихъ имущества на 31.000 рублей въ годъ. Въ Херсонскомъ земствѣ въ теченіе 29 лѣтъ пожары отъ указанной причины составляли 3% всѣхъ пожаровъ, и земству пришлось потерять при этомъ свыше 100.000 рублей. Во владимірскомъ земствѣ въ четыре года—съ 1895 по 1898 г.— пожары отъ шалости безпризорныхъ дѣтей составляли 8% всѣхъ пожаровъ, причемъ эти пожары поглотили изъ суммъ губернскаго земства 203.283 рубля. Въ Воронежской губерніи съ 1895 по 1900 г. отъ этой причины произошло 515 пожаровъ, которые принесли убытка земству на 700.000 руб. Прошу читателя обратить особенное вниманіе на послѣднюю губернію; о ней ниже у насъ будетъ особая рѣчь.

Считаемъ нужнымъ также подчеркнуть, хотя-бы для г. Меньшикова, что приведенныя цифры — не губернаторская статистика, а земская, и добыты онѣ агентами земства на мѣстѣ самыхъ пожаровъ, что вызвано земскимъ страхованіемъ.

Говорятъ, правительство и земства, не принимаютъ противъ „краснаго пѣтуха“ никакихъ мѣръ. Утверждать это значитъ не быть вовсе знакомымъ съ дѣломъ.

Начнемъ съ того, что почти повсюду въ земскихъ губерніяхъ введено обязательное земское страхованіе. Несомнѣнно, что эта мѣра, съ тѣхъ поръ, какъ введена, принесла не мало облегченія нашему крестьянству при возстановленіи сгорѣвшаго имущества. Это средство, разумѣется, не спасаетъ отъ пожаровъ, такъ какъ горятъ застрахованныя и не застрахованныя имущества, да и, помимо построекъ, горитъ живой и мертвый инвентарь, который не страхуется земствомъ.

(Окончаніе будетъ.)

Какъ поднять нравственность общества?

Упадокъ нравственности и небывалое повышеніе распущенности, доходящей даже до безстыдства, т. е., до потери того, что отличаетъ человѣка отъ животныхъ, даже высшихъ,—стыда, являясь слѣдствіемъ множества причинъ и явнымъ симптомомъ дегенераціи, заставляетъ всѣхъ и каждаго думать, какъ искоренить причины, породившія это зло. Чтобы найти противъ болѣзни средство, нужно знать, что привело къ заболѣванію, что внесло болѣзнетворныя начала въ организмъ. Разъ это извѣстно—средство отыскать не трудно или, по крайней мѣрѣ, возможно. То-же самое положеніе остается въ силѣ и тогда, когда болѣетъ не отдѣльный организмъ, а цѣлое общество. Конечно-же, причины каждаго заболѣванія въ этомъ случаѣ кроются въ тѣхъ условіяхъ, въ какихъ живетъ данное общество, и когда въ № 15 „Клада“ мы подняли вопросъ: „какъ поднять нравственность?“, мы имѣли въ виду, что на нашъ призывъ откликнутся тѣ, кто пожелаетъ серьезно отнестись къ нему. Мы не ошиблись—ближайшія-же почты принесли намъ отклики людей, понимающихъ всю важность поднятаго нами вопроса. Одно изъ такихъ писемъ, продиктованное, по нашему мнѣнію, желаніемъ принести пользу обществу, мы помѣщаемъ ниже, съ нѣкоторыми—весьма несущественными—редакціонными измѣненіями. Къ этому письму мы еще возвратимся въ отдѣльной статьѣ, здѣсь-же позволимъ себѣ еще разъ просить нашихъ читателей, не стѣсняясь щекотливостью темы, сообщить намъ письменно свои взгляды и свои мысли по этому важнѣйшему изъ вопросовъ объ оздоровленіи нашего общества. Въ особенности важными въ этомъ отношеніи мы считаемъ отзывы духовныхъ лицъ, имѣющихъ въ своемъ распоряженіи множество наблюденій надъ человѣческою сущностью. При посредствѣ такихъ откликовъ нашихъ читателей получится отвѣтъ общества на „проклятый вопросъ“ русской современности.

Теперь переходимъ къ письму, помянутому выше. Его авторъ А. А. Данилевичъ пишетъ:

„Я, конечно, всего менѣе претендую рѣшать вопросъ: „Какъ поднять нравственность общества?“, я лишь отзываюсь, какъ современникъ, какъ членъ пораженнаго общества, а слѣдовательно, и самъ несвободный отъ общаго порока.

Да, дѣйствительно, упадокъ нравственности—одна изъ язвъ,

разъѣдающихъ нашъ общественный организмъ, и притомъ язва изъ язвъ, родоначальница всѣхъ остальныхъ язвъ. Обращаюсь къ причинамъ, которыя вы находите въ пустотѣ жизни и безсодержательности современниковъ, въ ложномъ старомъ режимѣ общественной жизни и ненормальности общественныхъ отношеній.

„Все это такъ. Ну, а гдѣ эта самая осмысленность жизни? Кто открылъ и далъ ее людямъ? Въ чемъ она заключается? Это—во-первыхъ; а во-вторыхъ: ужъ не въ новомъ-ли соціалъ-демократическомъ бредовомъ строѣ панацея бѣдъ, не въ „товарищескихъ"-ли отношеніяхъ „свободной любви" спасеніе?

„„Гнусный порядокъ вещей" — вотъ преподносимое г. Ратомскимъ объясненіе, и даже чуть-ли не извиненіе. Ну, а гдѣ-же возвышенно-чистый обычный порядокъ, въ которомъ мораль и религія—не фарсы? Гдѣ экономическія и соціальныя отношенія построены на истинныхъ и справедливыхъ началахъ? Да и существуютъ-ли желанныя, совершенныя формы бытія? кто ихъ создатель или хотя-бы авторъ?

„На всѣ эти вопросы можно отвѣтить лишь отрицательно, такъ какъ до сихъ поръ ни жизнь, ни тѣмъ менѣе наука еще не дали положительныхъ сколько-нибудь удовлетворительныхъ отвѣтовъ. Ну, а разъ это такъ, разъ человѣчество и до сихъ поръ еще во всѣхъ отношеніяхъ слѣпо и до сихъ поръ „пляшетъ въ кругѣ безконечномъ", безсильно подчиняясь прихотливымъ велѣніямъ рока, то что-же непонятнаго въ томъ, что наблюдается упадокъ такъ называемой нравственности не только въ узкомъ, но и широкомъ смыслѣ?

„При всемъ этомъ мнѣ кажется, что корень зла не въ половомъ вопросѣ. Конечно, важное мѣсто въ жизни занимаетъ и этотъ вопросъ, хотя, по-моему, вопроса-то, собственно, и не должно-бы быть, какъ нѣтъ его и въ животномъ мірѣ, но повторяю—не въ немъ главное. Объ этомъ, по моему мнѣнію, главномъ, я буду говорить ниже, теперь-же дополню первую главу по вопросу: „Какъ поднять нравственность общества?"— на которую отзываюсь.

„Все сказанное относительно бюрократіи, школы и ихъ развращающемъ вліяніи вѣрно, хотя и отчасти, такъ какъ и здѣсь есть главное—это с р е д а и, стыдно сказать, въ подавляющемъ большинствѣ случаевъ—с е м ь я. Школа лишь доканчиваетъ и укрѣпляетъ то, чему дѣти научаются изъ окружающей ихъ среды, наглядно, такъ сказать, практически на примѣрахъ родителей, прислуги, наконецъ, и сверстниковъ; школа лишь доканчиваетъ то, что, собственно, она должна-бы стараться

уничтожить или сгладить, наконецъ — выставить въ должномъ свѣтѣ и видѣ. Лично я не вѣрю, чтобы цѣлью бюрократіи было паденіе моральныхъ устоевъ, и потому не вѣрю, что „на бѣднаго Макара всѣ шишки валятся", но доля вины лежитъ, конечно, и на ней. Наврядъ-ли развратъ достигъ-бы проявившейся теперь степени, если-бы онъ не былъ фиксированъ средой и семьей; дѣти—лишь отпечатки послѣднихъ. Мнѣ многое множество разъ приходилось наблюдать, какъ дѣти въ своихъ играхъ воспроизводили все, что имъ часто приходилось слышать и наблюдать, причемъ воспроизводили они все съ самымъ детальнымъ реализмомъ. По-моему, уже въ самомъ раннемъ дѣтствѣ и въ обстановкѣ дѣтскихъ игръ происходитъ, можно сказать, не только физическое, но и нравственное паденіе, и это происходитъ въ большинствѣ случаевъ со всѣми дѣтьми, безотносительно отъ ихъ призора или безпризорности, такъ какъ дѣти прекраснѣйшимъ образомъ умѣютъ скрытничать. Вотъ въ чемъ, по-моему, вина школы: она не выполняла своей прямой обязанности—ретушера. Мало того, она въ лицѣ своихъ педагоговъ, ихъ, такъ сказать, примѣрами, еще больше способствовала укорененію разврата. Я думаю, что у каждаго изъ насъ, современниковъ, есть въ запасѣ нѣсколько такихъ живыхъ примѣровъ на собственныхъ наставникахъ.

„Чтобы покончить съ первой частью, отмѣчу еще нѣсколько неточностей въ ея положеніяхъ.

„Мнѣ кажется, напрасно вы возмутились письмомъ курсистки и ея правдивостью, точно такъ-же, какъ невѣрны и опредѣленія: распущенность, скотоподобіе. У животныхъ, вѣдь, распущенности, а тѣмъ болѣе разврата, не наблюдается *), человѣкъ-же въ сущности—высшее животное **). Половая разнузданность этого животнаго и объясняется именно тѣмъ, что половую жизнь, вопреки природѣ, признали постыдною, а проявленія ея возвели въ наслажденіе, окруженное привлекательной, дѣйствующей на воображеніе, интимностью. Смотри на половую жизнь здраво и относись къ ней разумно, какъ на природную необходимость, въ родѣ ѣды, напримѣръ, развѣ выродилась-бы она въ развратъ? Да никогда. Взгляды на половыя отношенія нашего крестьянина (не развращеннаго, конечно)

*) Авторъ ошибается: повышенная чувственность и, какъ ея слѣдствіе, извращеніе полового инстинкта существуютъ и у животныхъ; это можетъ засвидѣтельствовать любой врачъ, работавшій надъ животными. Животныя только менѣе изобрѣтательны въ этомъ отношеніи.

**) Вопросъ объ этомъ весьма спорный. Есть авторитетные антропологи, устанавливающіе для человѣка (homo sapiens) особое царство.

служатъ тому самымъ очевиднымъ подтвержденіемъ, хотя и на немъ не могъ не сказаться у всѣхъ укоренившійся обычай.

„Затѣмъ, по-моему, голодный, разъ не онъ самъ—причина голода и устраненіе послѣдняго не зависитъ отъ его воли, въ полномъ правѣ взять насущное явно, хотя-бы даже и насильно. Слѣдовательно, красть, т. е., тайно взять, ему незачѣмъ. Относительно-же физіологической потребности жизнь говоритъ какъ разъ противоположное вашему, именно: позыва на сближеніе съ геніальнымъ по уму, но уродомъ по тѣлу, индивидомъ быть не можетъ, такъ какъ на то возбуждаетъ лишь физическая красота. Наконецъ, ваше невозможное въ жизни случается, какъ исключеніе, обычное-же—это „крайности сходятся". Причемъ-же тутъ порядочность? Виновата-ли курсистка, что все ея физическое существо отвѣчаетъ призыву индивида, ей противоположнаго нравственно, и будетъ-ли она непорядочна лишь потому, что „порядочный" индивидъ физически возбуждаетъ въ ея существѣ физическое отвращеніе? Мнѣ кажется, что нѣтъ; въ этомъ случаѣ она безусловно права: на ея сторонѣ законъ подбора, если только противъ ея не будетъ говорить ея развращенная похотливость.

„Вы говорите: надо пробудить въ юношествѣ разныя тамъ доблести. Но чѣмъ, чѣмъ? вотъ вопросъ, такъ какъ, по-моему, связывать возбужденіе этихъ доблестей съ половою жизнью и женщиной, значитъ, поощрять тотъ-же развратъ, противъ котораго вы такъ возстаете. Половая жизнь не должна быть пикантной интимностью, награждающей доблесть, а лишь исключительно и явно производствомъ потомства тогда, когда къ тому особи созрѣютъ.

„„Всѣ пороки суть временный кошмаръ отживающихъ подлыхъ условій бюрократическаго строя. Пропадутъ условія — исчезнутъ и пороки". Такъ-ли это? Думаю, что нѣтъ. И это станетъ болѣе чѣмъ вѣроятнымъ, если глубже взглянуть въ суть дѣла да также (не поверхностно) всмотрѣться и сравнить, напр., американскій, Соединенныхъ Штатовъ, строй — самый, надо сказать, демократическій—и наиболѣе либеральный, конституціонный, французскій строй со строемъ германскимъ—родиной бюрократизма. Гдѣ наибольшій развратъ во всѣхъ его проявленіяхъ? Всего менѣе въ Германіи. Вотъ вамъ и бюрократическій безотвѣтственный строй. Слѣдовательно, бюрократизмъ—только козелъ отпущенія, потому что кто такіе бюрократы, какъ не члены одной съ нами семьи, одного общества, кровные родные, пожалуй, даже со всѣми обличающими!

„Но что-же сдѣлали не бюрократы, что сдѣлали обличители, отдѣльныя лица, семьи, общества? гдѣ ихъ благотворное, протестующее противъ бюрократизма, вліяніе, гдѣ возвышающее и облагораживающее воздѣйствіе просвѣщенія, науки, религіи, наконецъ?.. Съ грустью приходится сознаться, что ничего этого не было и нѣтъ и, мало того, позволительно сомнѣваться, что онѣ и будутъ когда-нибудь, если не измѣнятся ко всему этому дѣйствительно подлыя отношенія не бюрократіи, а людей, всѣхъ народовъ, человѣчества *).

„Смѣшно взваливать вину съ больной головы на здоровую. Развѣ бюрократія взяла-бы такую силу, если-бы она, въ самомъ худшемъ ея проявленіи, не была у насъ въ крови? Развѣ боярство, мѣстничество, приказные, стряпчіе и всевозможные другіе виды какъ старые, такъ и самые новѣйшіе (наши политическія партіи город. самоуправленія), не суть самый худшій бюрократизмъ? Съ другой стороны, развѣ бюрократизмъ Германіи служитъ тормазомъ къ ея движенію впередъ, ея прогрессу? Бюрократизмъ, бюрократъ!.. А не сознаютъ, что всѣ и каждый въ отдѣльности—врожденные бюрократы.

„По-моему, вотъ въ чемъ корень зла: въ безсознательномъ глупомъ бюрократизмѣ всего народа, въ отсутствіи самобытности и самодѣятельности и въ проклятомъ возмутительно-подломъ отношеніи (моя хата съ краю) къ тинѣ все окружающихъ и все засасывающихъ порока и разврата, въ рабски-безвольной безхарактерности, способной лишь изливаться въ красивыхъ фразахъ и болтать безъ конца.

„Да и въ самомъ дѣлѣ, что такое мы? что нами создано самобытнаго? гдѣ и въ чемъ ярко проявился нашъ народный геній, умъ, наконецъ?

„Скажутъ—мы создали и собрали Россію. Да, и только. Мы, какъ лишай, пассивно расползлись по лицу земли да и замерли такъ, безсильно распластавшись, ничего не создавъ, ни-

---

*) Да, вѣдь, въ томъ-то и дѣло, что бюрократія постоянно мѣшала обществу сдѣлать что-либо въ этомъ направленіи! Для бюрократіи существовало только то, что написано на бумагѣ въ канцеляріи. Все остальное, хотя-бы созданное самою жизнью, признавалось ложью. Если бюрократія не могла справиться съ проявленіями жизни, то закрывала на нихъ глаза и закрывала рты всѣмъ, кто видѣлъ ужасъ и пробовалъ говорить о немъ, желая предупредить общество отъ угрожающей опасности. Примѣръ налицо: строки г. Данилевича до 18-го октября 1905 г. нигдѣ не могли-бы быть напечатаны, а, между тѣмъ, то, о чемъ трактуется въ нихъ, существовало уже ранѣе, и мы теперь «спустя лѣто по малину ходимъ»—начинаемъ говорить о болѣзни, когда она уже въѣлась и разъѣла весь нашъ общественный организмъ...

чему не научившись и „духовно почивъ“, даже не родившись. Ужасная и жалкая доля! Мало того, мы даже не въ силахъ усвоить, безъ уродливыхъ искаженій, и все чужое. Все, положительно все, отъ религіи и до самаго простого ремесла, мы восприняли отъ другихъ и все у насъ лишь вырождается. Прямо страшно становится, до того это такъ очевидно... Неужели-же, сознавъ все это, мы не содрогнемся и не воспрянемъ? Неужели-же намъ суждена смерть? Да, смерть. Надо взглянуть прямо въ глаза опасности. Не встанемъ, не очнемся, не возьмемся за работу—значитъ, смерть *).

„Но какъ вызвать подъемъ? Мнѣ кажется, что смѣшно надѣяться на возбужденіе этого желаннаго подъема женщиной, той женщиной, которая весь интересъ въ жизни находитъ, по словамъ г. Ратомскаго, лишь въ тряпкахъ да въ своихъ кокетствѣ и любовныхъ побѣдахъ,—женщины, жаждущей лишь вѣчнаго веселья да праздника. Словъ нѣтъ, въ своихъ наклонностяхъ женщина сама по себѣ мало виновата, такъ какъ въ данное время ея наклонности составляютъ ея вторую природу, измѣнить-же природу возможно лишь вѣками, какъ вѣками она и создавалась. И если дожидать, когда мы переродимъ, такъ сказать, женщину, то развратъ къ тому времени достигнетъ своего апогея, а въ омутѣ его погибнетъ то, что нѣкоторымъ изъ насъ наиболѣе дорого и спасеніемъ чего заняты всѣ наши стремленія. Здѣсь выжидать, когда улита пріѣдетъ, нельзя; необходимы энергичныя, сильныя мѣры, способныя сдѣлать переворотъ въ нравахъ и мышленіи сильнаго пола, такъ какъ въ немъ, и

*) Авторъ ошибается, Пушкинъ, Лермонтовъ, Гоголь, Толстой—міровые писатели; Полозовъ изобрѣлъ паровую машину ранѣе Уайта и Стефенсона, русскій Лобачевскій равенъ Эвклиду, недавно умершій Поповъ изобрѣлъ телеграфъ безъ проводовъ ранѣе Маркони, Пироговъ—хирургъ, міровое свѣтило, Менделѣевъ—тоже, а это все были русскіе люди; они не подражали, они были оригинальны и вносили долю русскаго народа въ міровую сокровищницу прогресса. Все дѣло въ томъ, что послѣ смерти Петра Великаго русскій народъ очутился въ полной власти пришельцевъ. Разные Остерманы, Бироны, Минихи и пр., натащившіе съ собой въ Россію видимо-невидимо всякой иноземной тли, захватили власть въ свои руки. Грабитель съ большихъ дорогъ Лестокъ совершалъ въ Россіи государственные перевороты. Чтобы удержать русскія массы въ подчиненіи себѣ, эти люди задавливали въ русскихъ всякое проявленіе самобытности, самодѣятельности. Въ Германіи бюрократія своя—та, которую создалъ самъ народъ, у насъ весь бюрократическій строй, вошедшій въ русскій бытъ до 17-го октября 1905 г., не собственный, а наносный, отсюда и зло. Появился въ качествѣ распорядителя судьбами русскаго народа русскій человѣкъ (говоримъ о П. А. Столыпинѣ) и худо-ли, хорошо, а онъ дѣлаетъ русское дѣло по-русски.

единственно въ немъ, дѣло, а прекрасный полъ тутъ не при чемъ, такъ какъ онъ отвѣчаетъ на спросъ. Да и въ самомъ дѣлѣ: что заставляетъ даже честныхъ матерей, женъ, сестеръ, дочерей одѣвать себя въ костюмы, расчитанные единственно на то, чтобы возбуждать?—спросъ. Что заставляетъ ихъ рекламировать самымъ отчаяннымъ образомъ свои даже воображаемыя прелести? — спросъ. Что съ нихъ спрашивается сильнымъ поломъ? — умѣнье увлекать, дѣйствовать на наше воображеніе. И потому удивительно-ли, что развратъ вездѣ преобладаетъ, составляя постоянную нашу атмосферу, способную заражать даже благоразумныхъ. Мнѣ частенько приходилось наблюдать, какъ солидный мужчина, бородатый, серьезный, зачастую съ сѣдиной, по дорогѣ въ свой домъ или по дѣлу, встрѣтивъ гуляющихъ обладательницъ или поразительнаго, всѣми контурами обрисовывающагося и прямо безстыдно говорящаго торса, или пышнаго, при каждомъ движеніи вздрагивающаго, бюста, а то и совсѣмъ прозрачныхъ очертаній воображаемыхъ прелестей, — вдругъ останавливается и, нервно осмотрѣвшись, поворачиваетъ и начинаетъ флиртовать съ возбудившей его особой, забывъ и домъ свой, и, можетъ быть, ожидавшую съ обѣдомъ семью, и дѣло, и отрезвляется лишь послѣ фіаско, которое можетъ потерпѣть отъ порядочной женщины, лишь невольно прельстившей его, благодаря своему костюму, ярко и откровенно рекламировавшему ея формы. Что-же говорить о молодежи, у которой еще кровь кипитъ и бурлитъ? По-моему, надо не взваливать вины на слабыхъ, а сознаться, что развращены въ конецъ не кто иной, какъ мы, сильный полъ, и не только нынѣшнее поколѣніе, а развращены и отживающее, и отжившее, и нѣсколько поколѣній уже давно покойныхъ.

„Надо оздоровить самихъ себя, надо ослабить, искоренить развратъ, а чтобы достигнуть того, надо развѣнчать и оголить непригляднoсть всего, что вызываетъ развратъ, надо уничтожить пустоту жизни, надо отыскать смыслъ ея, создать ей цѣль. Здѣсь, въ этомъ направленіи, должны дѣйствовать всѣ и вся въ дружномъ, могучемъ единеніи, вызываемомъ сознаніемъ общности задачи. Въ рѣшеніи-же этой задачи, долженствующей быть и стать у насъ національною, работы много и для власти, и для религіи, и для науки, и для школы, и всего болѣе для самого общества, такъ-же какъ и для всякой семьи, всякаго человѣка.

„Къ сожалѣнію, до сихъ поръ мы видимъ лишь слабыя попытки на указываемомъ пути. Къ сожалѣнію, до сихъ поръ мы

видимъ не должное единеніе, а разбродъ, мало того, даже борьбу, междоусобную войну однихъ противъ другихъ, видимъ гнусное вырожденіе борьбы, достигающее апогея въ этихъ звѣрскихъ поголовныхъ истребленіяхъ другъ друга, въ этихъ массовыхъ разбойническихъ хищеніяхъ и разореніяхъ, не считающихся положительно ни съ чѣмъ. Развѣ не ужасно все это? Не ужасно-ли повальное развращеніе нѣкоторой части общества и даже цѣлыхъ классовъ его? Не верхъ-ли ужаса, для народной національной идеи, это сознательное подготовленіе всѣхъ этихъ ужасовъ и сознательное-же натравливаніе подонковъ этого, въ конецъ развращеннаго, панургова стада на тѣхъ, кто не хочетъ ихъ?

„А, между тѣмъ, какъ относится общество, въ своей массѣ, къ этимъ ужасающимъ явленіямъ? возмущается оно, борется? А ничуть! Даже наоборотъ: не только съ возмутительнымъ индифферентизмомъ и тупо-стадною трусостью, но даже, было время, и чуть-ли не рабски-подленькою злорадностью: ага, дескать, вотъ, молъ, дождались! расхлебывайте, а мы со своими рабскими душенками спрячемся по своимъ домамъ, слѣдуя правилу: „моя хата съ краю, ничего не знаю“,—правилу, заключающему всю суть и мудрость того-же самаго бюрократизма.

„Съ тѣмъ большею радостью нужно отмѣтить начало мѣръ, направленныхъ къ оздоровленію общества, начало поворота общественнаго сознанія, которое въ послѣднее время, къ счастью, и дай Богъ чтобы счастливо, стало проявляться.

„Теперь всемѣрно слѣдуетъ стараться какъ можно болѣе развить, какъ можно глубже укрѣпить спасительную реакцію бывшей индифферентности, бывшей ужасной пандеміи народнаго безумія, идіотства и проч. явленій вырожденія. Теперь слѣдуетъ, во что-бы то ни стало, развить самодѣятельность, самобытность и самоопредѣленіе въ народѣ.

„Совершенно излишне, мнѣ кажется, говорить—на комъ лежитъ эта нравственная обязанность, такъ какъ всякому ясно, что достигнуть всего этого можно лишь чрезъ посредство самой широкой агитаціи. Печать очень и очень грѣшна предъ народомъ за свою дѣятельность послѣднихъ лѣтъ, да и послѣднихъ-ли только? Но не будемъ вспоминать старое, въ надеждѣ, что это старое не повторится, что погрѣшность увлеченія будетъ исправлена сугубою работою. А работа требуется великая и долгая и печать должна выполнить ее, — это ея нравственный долгъ. Въ помощь печати должны быть: и церковь, и школа, и вообще все, что такъ или иначе имѣетъ вліяніе или даже соприкосновеніе съ народомъ, такъ какъ, по-

вторяю, развитіе самодѣятельности и самосознанія народнаго и оздоровленіе общества—главная задача даннаго времени, и заглавная роль въ исполненіи этой задачи лежитъ на могуществѣ печатнаго слова, поддерживаемаго и авторитетнымъ словомъ пастырей и наставниковъ, и живымъ словомъ всякаго сознательнаго гражданина — сына своего отечества. Прекраснымъ, многообѣщающимъ примѣромъ такой настоятельной самодѣятельности могутъ служить, напр., молодая народная лига—русское сокольство, академическіе кружки школьной молодежи и т. п. организаціи, имѣющія главною задачей физическое и нравственное самосовершенствованіе, чуждое всякаго политиканства и тѣмъ болѣе космополитизма и всякой утопичности.

„Эту главную задачу даннаго времени надо, во что-бы то ни стало, благопріятно разрѣшить, и я съ особенной силой ее подчеркиваю и на ней останавливаю вниманіе всякаго мыслящаго русскаго“.

Такъ заканчиваетъ г. Данилевичъ свою статью. Отдавая должное ея паѳосу и искренности, мы вмѣстѣ съ тѣмъ отмѣтили нѣкоторыя, по нашему мнѣнію, неправильности взгляда ея автора. Одновременно мы думаемъ, что нечего уже даже и заботиться объ оздоровленіи (нравственномъ) современниковъ и выходящаго имъ на смѣну поколѣнія. На тѣхъ или другихъ нужно только смотрѣть, какъ на удобреніе русской нови. Оздоровленіе возможно лишь для послѣдующаго (второго) поколѣнія, которое въ настоящее время только-только еще начинаетъ жить физическою жизнью. Для этого-же необходимо прежде всего оздоровить русскую семью, создать такія условія ея быта, которыя позволяли-бы ей растить потомство внѣ зависимости отъ наносныхъ вѣяній. Это еще возможно, но исполнимо это только тогда, когда каждый русскій отецъ, каждая русская мать, каждые русскіе женихъ и невѣста, проникнутся сознаніемъ, что имъ всѣмъ необходимо „выздоровѣть“, нужно побороть свою повышенную чувственность, вѣрнѣйшій симптомъ вырожденія, или, дѣйствительно,—гибель...

Какъ мы насаждали общественность въ „Болванкѣ".

Впечатлѣнія бытія **Ал. Эльскаго.** (Продолженіе.)

V.

Болталъ Говориловичъ, услыхавъ эти сужденія о черносотенцахъ, сдѣлалъ нетерпѣливое движеніе.

— Господа!—заявилъ онъ,—не будемъ отклоняться въ сторону! Вспомнимъ, какое святое дѣло находится предъ нами: дѣло насажденія общественности въ «Болванкѣ»! Въ нашъ вѣкъ электричества и радія прогрессъ побѣдоносно шествуетъ впередъ и нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что даже вопросъ о кухонныхъ плитахъ также вступилъ въ новый фазисъ своего существованія. Теперь плиты служатъ не только для того, чтобъ варить превосходный супъ, печь вкусные пироги, но и для того, чтобы поджаривать презрѣнныхъ черносотенцевъ... О, отчего я—не Каллигула! Я тогда сталъ-бы желать, чтобы всѣ черносотенцы имѣли сразу одну голову, которую я приказалъ-бы свирѣпымъ палачамъ отсѣчь однимъ ударомъ своего остраго меча. Развѣ можетъ быть что-либо подобное въ другихъ странахъ Европы и Америки? Когда я былъ за границей, я не наблюдалъ тамъ черносотенцевъ. О, господа! Если-бы вы знали, какъ тамъ живутъ! Какъ живутъ! Тамъ я могъ имѣть всякія наслажденія и всего за одну—двѣ марки. Я ходилъ со своей женой на пляжъ слушать прекрасную музыку. Жена захватывала съ собой всѣхъ нашихъ дѣтей: Мимочку, Пупочку, Таточку, Адочку, Кокочку, Вовочку, Дадочку, Лулучку, Мумучку, Хахочку и новорожденнаго тогда Зазочку; съ нами были наши друзья, которыхъ такъ-же, какъ и меня, политика заставила ѣхать за границу,—и мы всѣ вмѣстѣ наслаждались чудными, геніальными произведеніями Бетховена, Шопена, Рубинштейна, Гайдна, Грига. И мы прекрасно проводили все наше время, и это стоило намъ, если мы всѣ присаживались къ столику и требовали себѣ одну бутылку пива, менѣе одной марки! Но, господа, вернемся къ дѣлу! Умоляю васъ, вернемся къ дѣлу, будемъ точны, кратки и опредѣленны! Приступимъ къ выясненію нашего credo, опредѣливъ въ настоящее время съ точно-

стью, что презрѣнныхъ черносотенцевъ среди насъ нѣтъ. Когда мы сдѣлаемъ это, выяснятся совершенно рельефно наши правые, центръ, лѣвые и крайніе фланги. Только тогда могутъ происходить борьба и столкновеніе мнѣній, а изъ противорѣчія, какъ извѣстно, родится истина. О, я увѣренъ, что мы узнаемъ, мы найдемъ великую истину, мы увидимъ нагую истину во всей ея величавой красотѣ.

— Я думаю, что также нѣтъ среди васъ рыбоподобныхъ октябристовъ. Говорю — рыбоподобныхъ — что подѣлать: amicus Plato, sed magis amicus veritas est [1]); это—амфибіи какія-то, это—зажирѣвшіе капиталисты, не способные ни къ какому прогрессу, а цѣпляющіеся за капиталъ, который честные рабочіе вырываютъ у нихъ изъ рукъ своими грандіозными забастовками, величественными бойкотами. Что подѣлать! à la guerre, comme à la guerre [2]), какъ говорятъ въ прекрасной Франціи. Чтобы достигнуть успѣха, нужно идти ad angusta per angusta [3]) и думать: «aide toi et le ciel t'aidera [4])»... Пусть трудность, пусть препятствія: fortes fortuna iuvat [5]). Я вижу здѣсь честныхъ рабочихъ и ненавистнымъ капиталистамъ среди нихъ не можетъ быть мѣста. Я даже страшусь встрѣтить среди васъ вертлявыхъ ка-детовъ. Такъ и хочется воскликнуть при видѣ любого изъ нихъ: «Caveant consules» [6]) «Hannibal ante portas» [7]). Не нужно увертокъ, будемъ помнить, что «Contraria contrariis curantur» [8]), это «conditio sine qua non» [9])—противъ насъ бюрократія, руководящаяся принципомъ: «après nous le délugue» [10]), противъ нея мы, чьимъ потомъ «жирѣютъ обжоры и послѣдніе соки въ насъ пьютъ». Я увѣренъ, что встрѣчу здѣсь только честныхъ большевиковъ, убѣдительныхъ меньшевиковъ, сознательныхъ минималистовъ, пылкихъ максималистовъ и, сплотившись на общей идеѣ насажденія общественности въ «Болванкѣ», мы можемъ вступить «въ бой кровавый, святой и правый», имѣя на своихъ красныхъ знаменахъ оба великихъ девиза: «Въ борьбѣ обрѣтешь ты право свое» и «Пролетаріи всѣхъ странъ, соединяйтесь». Эти девизы велики: «in hoc signo vinces!» [11]) Но къ дѣлу, господа! Предлагаю, господа, начать. Вы, Братецъ Виттевичъ,—обратился Пустозвонмейстеръ къ одному изъ заводскихъ соціалъ-демократовъ,—какія убѣжденія вы исповѣдуете?

— Ежели вы насчетъ убѣжденіевъ, Болталъ Говориловичъ,—скромно отвѣтилъ Братецъ Виттевичъ, — то мои убѣжденія, можно сказать, всѣмъ извѣстны. Чего ихъ мнѣ

скрывать-то! Давеча зовутъ меня въ контору и говорятъ: «Вотъ что, Братецъ Виттевичъ, ты у насъ на линіи подмастерья, хочешь настоящемъ подмастеромъ стать?». А я говорю: «Отчего-же, ваше высокоблагородіе? дѣло хорошее!»—«Такъ вотъ,—говорятъ,—и будешь, только ты долженъ дать подписку, что бастовать не будешь, а будешь работать исправно». Тутъ я возмутился. Да какъ-же это такъ въ настоящее время? Развѣ это—не насиліе личности? Вѣдь, это, можно сказать, убой всякой свободы. Не бастовать—да развѣ это возможно?! Вотъ я и говорю: «Никакъ, ваше высокоблагородіе, дать такую подписку не могу. Говорю, какъ на исповѣди отцу родному, потому что сызмалолѣтства винной слабости подверженъ, а зароку, который мною даденъ, въ скорости срокъ выходитъ. Какъ только подписка кончится, непремѣнно сейчасъ забастовать долженъ, и теперь уже меня такъ вотъ и сосетъ».—«Ахъ, ты,—говорятъ мнѣ,—соціалъ-демократъ! Пошелъ вонъ, болванъ, на свое мѣсто!». Ну, мнѣ что-же? Я и пошелъ! А все-таки насиліе своей личности произвести надъ собою не позволилъ. Вотъ я какой!

— Прекрасно!—возгласилъ Болталъ Говориловичъ,—ваши убѣжденія совершенно ясны. Будемъ продолжать нашу анкету далѣе!

— Чего тамъ продолжать!—перебилъ Пустозвонмейстера «товарищъ» Братецъ Виттевичъ,—пиши, предсѣдатель, что и всѣ мы—сицевалъ-деморлаты, вотъ тебѣ и все! А ежели кто иной вѣры—пусть убирается къ свиньямъ: намъ такихъ членовъ не нужно!

Но Болталъ Говориловичъ не успѣлъ ничего написать. Въ передней совершенно неожиданно раздался такой звонокъ, что колокольчикъ оборвался и покатился по полу.

— Ай-вай, полиція,—неистово завизжалъ Болталъ Говориловичъ,—ратуйте, кто въ Бога вѣруетъ!

Это были его послѣднія слова. Въ слѣдующій моментъ онъ былъ уже подъ диваномъ и притаился тамъ.

Нужно-ли говорить, что онъ оказался правъ... То, дѣйствительно, явилась полиція и насъ разогнали... Товарищи-соціалы обѣихъ красокъ держались съ нѣкоторымъ достоинствомъ. Болталъ Говориловичъ спасался подъ диваномъ. Послѣ разгона мы отправились всѣ въ гостиницу для проходящихъ «Выборгъ» и немедля туда вслѣдъ за нами явился и Болталъ Говориловичъ. Онъ казался уже тріумфаторомъ.

— Господа,—убѣжденно восклицалъ онъ,—не правда-ли, какъ я хорошо спасся? Это ничего, если я нашелъ себѣ

убѣжище подъ диваномъ. Важно, что я не очутился въ когтяхъ самовластной бюрократіи. Предлагаю немедленно обратиться ко всѣмъ обывателямъ «Болванки» съ протестомъ.

Это предложеніе было принято и на другой день болванцы съ душевнымъ умиленіемъ читали протестъ, въ которомъ имъ предлагалось, чтобы нанести ударъ ненавистному правительству, не ходить въ баню и не цѣловать наединѣ своихъ женъ и возлюбленныхъ... Этотъ протестъ въ свое время вызвалъ адскій шумъ въ «Болванкѣ», но потомъ его очень скоро забыли: банный промыселъ въ «Болванкѣ» процвѣтаетъ, а усиленный приростъ населенія доказываетъ, что и второе предложеніе г. Пустозвонмейстера и компаніи оставлено было болванцами втунѣ.

VI.

Но дѣло насажденія общественности въ «Болванкѣ» не прекратилось. Оно продолжается, потому что пылъ Болтала Говориловича къ спасанію любезнаго ему отечества еще не прошелъ. Взятъ былъ нормальный уставъ и нѣсколько поддѣланъ, что и послужило главнымъ поводомъ къ дальнѣйшимъ собраніямъ второго уже комитета насажденія общественности въ «Болванкѣ».

Предсѣдательствовалъ попрежнему г. Пустозвонмейстеръ. Члены нетерпѣливо ждали отъ него рѣчи относительно устава. И они не ошиблись: рѣчь послѣдовала.

— Господа!--съ изступленной радостью въ голосѣ воскликнулъ Болталъ Говориловичъ,—я чувствую, что наступаетъ счастливѣйшій мигъ моей жизни. Я ясно вижу, что всѣ мы живемъ однѣми мыслями, что всѣ мы сплочены, какъ-бы спаяны воедино, это-же спаяніе есть залогъ великаго будущаго. И поэтому я предлагаю немедленно начать обсужденіе имѣющагося у насъ уже проекта «Болванскаго общества насажденія общественности». Это необходимо сдѣлать какъ можно скорѣе, потому что, получивъ уставъ, мы, такъ сказать, впаяемъ въ самихъ себя всѣхъ нащихъ сосѣдей и вмѣстѣ съ ними составимъ нѣчто недѣлимое, великое цѣлое. Предлагаю рѣшить прежде всего вопросъ, какъ мы будемъ разсматривать нашъ уставъ, то есть, будемъ-ли мы имѣть первое, второе и третье его чтенія, причемъ, конечно, второе чтеніе должно быть постатейное, или вы позволите мнѣ, прежде чѣмъ мы приступимъ къ сужденію объ уставѣ, предпослать этому нѣсколько своихъ соб-

ственныхъ словъ, изъ которыхъ вы непремѣнно увидите нѣчто, облегчающее всѣ ваши остальные труды.

— Отчего-же не предпослать?—раздались нѣкоторые голоса,—убытка отъ этого никакого, а мы все-таки послушаемъ.

— Угодно-ли, господа?—обведя взглядомъ присутствующихъ, спросилъ Болталъ Говориловичъ, а такъ какъ никто не отказался, то добавилъ:—молчаніе—знакъ согласія, предложеніе предсѣдателя принято, я приступаю.

Онъ передохнулъ, выпилъ полстакана воды и началъ:

— Всякій уставъ есть произведеніе бюрократическое, а каждый разъ, какъ предо мною находится такое произведеніе, я мысленно восклицаю: «Timeo Danaos et dona ferentes» [12]). И я правъ, господа! Взглянемъ внимательно и безпристрастно на все, что дѣлала и дѣлаетъ наша бюрократія и мы увидимъ, что рано или поздно вмѣстѣ съ великимъ мужемъ древности Цицерономъ намъ придется воскликнуть: «Quousque tandem, o, Catilina, abutere patientia nostra!» [13]). Наша бюрократія—это тормазъ всякаго прогресса. Она ставитъ намъ всюду рогатки, капканы, западни, ловушки, мертвыя петли и мы, столь стремящіеся къ прогрессу, при его быстролетномъ ходѣ постоянно попадаемъ въ эти ловушки. Поэтому будьте внимательны, бойтесь, чтобы не попасть въ разставляемыя вамъ ловушки и теперь. Въ проектѣ устава предполагаемаго нашего общества, что ни раздѣлъ—то капканъ, что ни параграфъ—то западня, что ни примѣчаніе—то ловушка. Итакъ, призываю васъ къ великой осторожности.

Прежде всего позвольте спросить васъ, что такое недвижимость? Вы не думаете, что этотъ вопросъ такъ простъ, какъ онъ кажется. Я, напримѣръ, затрудняюсь отвѣтить на него. Правда, существуютъ у насъ, въ Россіи, какіе-то тамъ законы о недвижимыхъ имуществахъ, но, господа, въ Финляндіи, напримѣръ, понятіе о недвижимости совсѣмъ другое, чѣмъ придумали наши бюрократы, чтобы разставлять намъ свои западни, капканы, ловушки. Я былъ въ Финляндіи, я жилъ въ Выборгѣ и поэтому я знаю! Вотъ, господа, страна, гдѣ чувствуешь себя прекрасно! Вотъ гдѣ царствуетъ настоящая свобода, гдѣ процвѣтаетъ въ самой высокой степени культура! А мы что? Мы здѣсь—дикари, папуасы, «пьющіе икру и закусывающіе самоваромъ подъ сѣнью развѣсистой клюквы»—такъ по крайней мѣрѣ пишутъ про насъ величайшіе писатели за границей,

и я вполнѣ понимаю ихъ. Мало того, я вполнѣ согласенъ съ ними и, надѣюсь, господа, вы будете въ этомъ со мною вполнѣ солидарны.

— Ну, еще-бы!—согласился одинъ изъ комитетскихъ соціалъ-демократовъ,—у насъ, въ Россіи, къ примѣру сказать, жить стало невозможно. Былъ я тутъ анадысь у кумы на именинахъ. Ну, признаться сказать, нечего грѣха таить, выпили мы и здорово, доложу вамъ, выпили: нельзя! такое дѣло—именины. Пошли къ домамъ компаніей. Не поздно еще было, конки ходили; только идемъ мы и видимъ: спитъ извозчикъ на козлахъ. Дай, дескать, его спужаемъ! Подошли, да какъ гаркнемъ «отречемся»,—глотки-то у насъ здоровыя! Только что тутъ и было! кляча-то у извозчика, дѣйствительно, спужалась, понесла, онъ самъ съ козелъ, кувыркъ—и два зуба вышибъ... Уморушка, да и все! А тутъ вдругъ изъ-подъ земли фараонъ. «Какъ,—говоритъ,—вы смѣете, черти полосатые, безобразить?». Это мы-то черти полосатые, ежели любой процентъ (удареніе на о) изъ насъ всякую кооперацію превзойти можетъ? Развѣ это—не оскорбленіе свободнаго гражданина? Федька-молотобоецъ не стерпѣлъ, да цапъ фараона по уху; тотъ такъ и отлетѣлъ, вскочилъ, шатается—здорово его Федька трахнулъ—свистки подаетъ, а мы всѣ врзасыпную и драла, только насъ и видѣли... Ужъ мы смѣялись-смѣялись, когда на другой день собрались... А тутъ, въ нашей мастерской, одинъ парнекъ работаетъ—изъ партіи... смиренный такой; все намъ книжки разныя читаетъ и листки приноситъ, просвѣщаетъ, стало быть, насъ, чтобы мы все насчетъ правительства понимать могли; изъ студентовъ онъ былъ выгнанъ. Такъ слушалъ онъ, слушалъ, да въ газетѣ «Товарищъ» и описалъ все это происшествіе. И хорошо такъ!.. трогательно! Шли, дескать, честные сознательные рабочіе, и представитель власти, съ цѣлью провокаціи, намѣревался произвести надъ ними гнусное насиліе... Здорово отщелкалъ! Пусть знаютъ каковы сознательные!

Болталъ Говориловичъ, уставшій отъ невольнаго молчанія и желавшій продолжать свою рѣчь, уже не разъ во время соціалъ-демократической рѣчи выражалъ свое нетерпѣніе. Дѣйствительно, его положеніе было болѣе чѣмъ ужасно. До сихъ поръ онъ одинъ наполнялъ собою все засѣданіе, теперь часть золотого времени оказалась занятою другимъ; Болталъ Говориловичъ страдалъ отъ бѣшенства и, улучивъ моментъ, когда «сознательный» остановился, чтобы

передохнуть, постарался немедленно вернуть пренія въ прежнее русло.

— Господа,—воскликнулъ онъ,—пусть никто изъ васъ, уходя отсюда, не скажетъ себѣ съ укоризною: «Oleum et operam perdidi [14])». Это было-бы ужасно для нашего великаго дѣла насажденія общественности въ нашей «Болванкѣ». Мы должны слѣдовать тому правилу, которое оставилъ намъ Плиній, говорившій про Апеллеса: «Nulla dies sine linea [15])». Конечно, весьма прискорбно, что въ наши дни могутъ имѣть мѣсто факты, подобные тому, о которомъ мы сейчасъ услышали, но что-же подѣлать, если homo homini lupus est [16]), но qui vivra—verra [17]), а пока я, primus inter pares [18]), предлагаю вамъ вернуться къ сужденію о вопросѣ: что-же такое недвижимость или, вѣрнѣе, недвижимое имущество? Намъ говорятъ: земля и все, что на ней, напримѣръ, домъ, сарай, хлѣвъ. Хорошо! А то, что въ ней? Если я на своемъ участкѣ буду рыть шахту, то непремѣнно я буду уходить все глубже и глубже, то есть, шахта непремѣнно будетъ двигаться. Если мы ее признаемъ недвижимымъ имуществомъ, то гдѣ-же тутъ логика? Это—съ одной стороны. Теперь, позвольте взглянуть на вопросъ съ другой стороны, такъ сказать vice versa [19]). Моя жена,—я ее постоянно двигаю, иногда даже во второмъ классѣ—конечно, до «Болванки» и отъ «Болванки»—по нашей Идіоскко-Западной Безтолковой желѣзной дорогѣ, наконецъ, она и сама двигается, когда ей захочется двигаться, но, тѣмъ не менѣе, она никуда не можетъ отъ меня уйти, такъ какъ она прикрѣплена ко мнѣ неразрывными цѣпями Гименея. Выходитъ абсурдъ: движимая недвижимость! Вотъ, господа, смотрите сами, что получается: съ одной стороны, движимая недвижимость, а съ другой—недвижимая движимость! Не правда-ли, вы уже теперь стали въ тупикъ, предъ глухой стѣной? Какъ выйдете вы изъ подобнаго заколдованнаго круга? Das ist eine alte gechichte [20]), но что-же подѣлать, если мы живемъ не въ милой Финляндіи, гдѣ я былъ, а въ Россіи?!

Сказавъ это, Болталъ Говориловичъ откинулся на спинку своего предсѣдательскаго кресла и побѣдоносно закрылъ глаза.

— Н-да-съ!—вздохнулъ одинъ изъ членовъ,—вопросецъ, доложу вамъ, серьезный! И все это самая бюрократія въ «Балванкѣ» пакоститъ...

— Da liegt der Hund begraben [21])!—съ необыкновен-

ной силой и выразительностью воскликнулъ Болталъ Говориловичъ.—Вы сказали сущую правду, мой уважаемый сочленъ! Nomina sunt odiosa [22]), но поглядите, что вы видите вокругъ себя! Поглядите, умоляю васъ, поглядите!..

Тонъ этого обращенія былъ такъ искренне убѣдителенъ, что члены болванскаго комитета и въ самомъ дѣлѣ принялись оглядываться во всѣ стороны, шаря взглядами и по угламъ, и по стѣнамъ.

— Какъ-будто, кромѣ насъ, никого нѣтъ!—робко замѣтилъ одинъ изъ нихъ,—хотя ни за что по нонѣшнимъ временамъ поручиться нельзя: мы вотъ тутъ говоримъ, а, быть можетъ, подъ диванъ или какое другое мѣсто шпикъ забрался и все слушаетъ.

— Да нѣтъ, я не про то, совсѣмъ не про то!—съ отчаяніемъ и слезой въ голосѣ воскликнулъ Пустозвонмейстеръ,—я про тѣ капканы, западни, ловушки, мертвыя петли, рогатки, которые повсюду разставляетъ намъ всемогущая бюрократія. Вы уже видѣли, куда мы попали, едва только попробовали разобраться въ вопросѣ, что такое недвижимость? А вотъ не хотите-ли, въ этомъ-же самомъ уставѣ, который бюрократіей названъ нормальнымъ, сейчасъ-же рядомъ вы найдете другой проклятый вопросъ! Изволите-ли видѣть, въ раздѣлѣ о средствахъ общества говорится, что наше будущее болванское общество насажденія общественности должно имѣть свой неприкосновенный капиталъ. Понимаете-ли вы, господа: не-при-ко-сно-венный капиталъ! Что значитъ, «неприкосновенный»? А это значитъ—такой, котораго коснуться никакимъ образомъ нельзя, другими словами: мертвый капиталъ. Онъ будетъ у насъ лежать въ банкѣ и мы не можемъ имъ воспользоваться. На что-же онъ намъ, такой миленькій неприкосновенный капиталъ? Спрашиваю я васъ, на что? Представьте себѣ такое положеніе: вы знаете, что у меня въ «Болванкѣ» предъ моимъ участкомъ канава, а на ней мостикъ. Общественное это сооруженіе или нѣтъ? Конечно, общественное, объ этомъ не можетъ быть двухъ мнѣній. И вотъ этотъ мостикъ пришелъ въ ветхость и развалился. Кто его долженъ исправлять? Конечно, не я, а наше болванское общество. Между тѣмъ, въ данный моментъ у общества есть капиталъ, котораго нельзя коснуться. Что-же выходитъ? А то, что мостикъ предъ моей дачею остается безъ исправленія и мои гости, когда они пріѣдутъ ко мнѣ, будутъ вынуждены сло-

мать свои ноги въ нашей «Болванкѣ»! Вотъ вамъ иллюстрація положенія!

Бѣсъ, старый мой бѣсъ! Вѣдь, я, твой пріятель, все это слышалъ, все слышалъ я и хватался за уши, страшась, что они уже завяли! Я не могъ понять, какъ осмѣлились люди, невѣжественные во всѣхъ отношеніяхъ, не только не имѣющіе понятія объ общественности, но не имѣющіе самыхъ элементарныхъ свѣдѣній, выѣзжающіе только на одномъ граммофонномъ пустозвонствѣ,—какъ осмѣлились такіе люди браться за дѣло, которое требуетъ и знанія, и опыта! Вѣдь, experientia est optima rerum magistra [23]). Тьфу, тьфу, тьфу! и я, кажется, заразился отъ г. Пустозвонмейстера. Типунъ мнѣ на языкъ! Но авось я-то не такъ скоро поддамся заразѣ. Знаешь, бѣсъ, что я сдѣлалъ, боясь, что у меня «уши свянутъ». Я, стихокропатель, сорвался съ мѣста и прочелъ имъ цѣлую лекцію о недвижимости, о неприкосновенномъ капиталѣ, я, у котораго единственною недвижимостью будетъ помѣстье въ три аршина пространствомъ на литераторскихъ мосткахъ Волкова кладбища, я, у котораго весь капиталъ, да и то замѣтно истощающійся: однѣ только звонкія риѳмы. Болванскіе члены, когда я говорилъ, позѣвывали, и ихъ предсѣдатель Болталъ Говориловичъ Пустозвонмейстеръ все время смотрѣлъ на меня прищурившись и на его губахъ змѣилась ироническая улыбка.

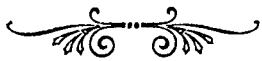
— Да?—пренебрежительно кинулъ онъ мнѣ, когда я замолчалъ,—вы такъ думаете? Ну, что-же? Вы можете думать, что угодно, но мы обсуждаемъ вопросъ логически и думается, что со стороны логики насъ ни въ чемъ нельзя упрекнуть!

(Окончаніе будетъ.)

---

1) «Другъ Платонъ, но еще болѣе другъ правды». 2) «На войнѣ какъ на войнѣ». 3) «Отъ препятствія къ препятствію». 4) Помогай самъ себѣ, а небо-то тебя поможетъ». 5) «Смѣлымъ помогаетъ счастье», «смѣлость города беретъ». 6) «Консулы, будьте бдительны». 7) «Ганнибалъ предъ воротами». 8) «Противоположное противоположнымъ исцѣляется». 9) Условіе, безъ котораго нельзя быть». 10) «Послѣ насъ хоть потопъ». 11) «Этимъ знаменемъ да побѣдишь!» [12]) Боюсь данайцевъ, и дары несущихъ. [13]) Доколѣ, о, Катилина, ты будешь злоупотреблять нашимъ терпѣніемъ. [14]) Собственно «Потерялъ мѣсто и дѣло», въ смыслѣ не достигъ никакого результата. [15]) «Ни одного дня безъ дѣла». [16]) «Человѣкъ человѣку—волкъ». [17]) Поживемъ—увидимъ. [18]) Первый между равными. [19]) Наоборотъ. [20]) Это—старая исторія. [21]) Вотъ гдѣ зарыта собака. [22]) Имена ненавистны. [23]) Опытъ—лучшій учитель.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

СТР.

Первыя ласточки. (Иллюстрація момента.) 3
Весна-красавица. Стихотв. *Осипа Кудина.* 5
Жизнь и дѣятельность партій. 6
Памятникъ крови. Статья *Н. В. Владимірова.* 10
Размышленіе у новаго храма. Стих. *С. В. Тихомірова.* 14
Продолженіе земскаго съѣзда. 15
Самодѣятельность населенія и безсословное земство. Статья *В. А. Пинчука.* 24
Сельско-хозяйственные союзы и общества за границей и въ Россіи. Статья *Н. В. Алексѣева.* (Оконч.) 41
Не убій. 46
Въ тяжелую пору. Стих. *Ив. Юрченко.* 50
Казненные и оправданный. 51
Красный пѣтухъ разгулялся. Статья *В. А. Клейна.* 58
Какъ поднять нравственность общества? . . . 62
Какъ мы насаждали общественность въ „Болванкѣ“. Впечатлѣнія бытія *Ал. Эльскаго.* (Продолж.) 71
Оглавленіе. 80